

Джулия Келли

ПОСЛЕДНИЙ
САД
АНГЛИИ

В поисках утраченного счастья

Джулия Келли

Последний сад Англии

«АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

Келли Д.

Последний сад Англии / Д. Келли — «АСТ», 2021 — (В поисках утраченного счастья)

ISBN 978-5-17-139146-1

Эмма Лоуэлл всю свою жизнь посвятила работе: она реставрирует заброшенные сады. Когда ей представляется уникальная возможность восстановить сад в знаменитом поместье Хайбери Хаус, девушка с радостью берется за дело. Старый сад, спроектированный в 1907 году Винсентой Смит, скрывает в себе тайны дома и людей, которые жили здесь. Истории, навсегда оставшиеся в памяти поместья. Здесь причудливо сплетаются года и века, от начала двадцатого века, когда Винсента нашла себе занятие в качестве садового дизайнера для промышленников и банкиров, до военных лет. Секреты, хранимые десятилетиями, готовы открыться каждому, кто будет внимательно смотреть и слушать.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-139146-1

© Келли Д., 2021

© АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Зима	7
Эмма	7
Винсента	17
Бэт	23
Винсента	32
Эмма	35
Стелла	39
Диана	45
Эмма	53
Винсента	59
Эмма	64
Эмма	65
Эмма	67
Бэт	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джулия Келли Последний сад Англии

Julia Kelly

THE LAST GARDEN IN ENGLAND

© Julia Kelly, 2021

© Багирова, М., перевод, 2022

©ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Январь 1908 года

Каменная садовая дорожка заледенела. Ледяная корка хрустела под ногами. В теплых ботинках молодая женщина шла по дорожке. Несмотря на гололед, ее шаг ровный. Торчащие во все стороны ветви, будто лук с туго натянутой тетивой, готовы вот-вот сломаться под тяжестью снега.

Тишина. Хочется уйти в этот зимний сад, все глубже, все дальше. Березы, покрытые серебром, застыли. Когда-то гибкие, занесенные снегом, кроваво-красные ветви кизила были сломаны. На ветру трепетали оставшиеся травы.

Печальное зрелище. Садовый бордюр усеян похожими на звездочки белыми цветами чемерицы.

Через месяц из-под талых снегов пробьются первые зеленые головки подснежников, они распустятся, превратившись в изысканные белые цветы. За ними – пурпурные крокусы с ярко-желтыми рыльцами. Больно даже думать об этом, но она не увидит этих вестников весны. Другим придется читать знаки того, что пробуждающийся по весне сад вот-вот утратит свое зимнее, поистине королевское величие.

Она идет в тоске, петляет по извилистой каменной тропе, словно дикий зверь, отчаявшийся вырваться на волю, и останавливается на краю. Смахивает замерзшую слезу. Ей не следует быть тут. Но она не смогла уехать, не увидев еще раз это место – место любви и утраты. Но она не станет задерживаться тут надолго. Нет. Она пробудет тут столько, сколько длится вечное прощание.

Зима

Эмма

Февраль 2021 года.

Даже если бы Эмма и не искала тот самый поворот, проехать мимо Хайбери-Хаус было бы трудно. Сплошная стена живой изгороди прерывалась, за ней высились два кирпичных столба, увенчанные парой каменных львов. Что видели их каменные глаза? – времена, когда из этих ворот выезжали кареты, сопровождаемые гончими. Во что вслушивались они? – в шум пышных охотничьих балов и замысловатых домашних вечеринок.

Эмма свернула на гравийную дорожку. Перед встречей со своими новыми клиентами она чувствовала, что ей нужно укрепиться духом. Обычно она не брала заказ, если не было возможности осмотреть объект, оценить фронт предстоящих работ. Но в этот раз она была так загружена реставрационным проектом в долине Глен Маллоу, что не смогла приехать из Шотландии в Англию для осмотра участка. Поэтому вместо нее на юг отправился Чарли – ее лучший друг и руководитель ее дизайн-команды – *Turning Back Thyme*. Он приехал туда раньше Эммы и выполнил все замеры. Все это время Сидни Уилкоккс, владелица Хайбери-Хаус, была на связи: она организовала серию видео-чатов, чтобы объяснить задумку своего проекта – вернуть некогда потрясающим садам поместья их прежнее величие.

Короткая гравийная дорожка поднималась на пригорок и вела во внутренний двор усадьбы. Тут был выстроен дом П-образной формы. Величественность усадьбы портили груды строительного мусора. Эмма припарковалась позади серо-стального «Рэндж ровера», выбралась из машины, перекинув через плечо свою тяжелую рабочую сумку-мешок.

В воздухе стоял непрекращающийся рев строительных электроинструментов. Неожиданно раздался громогласный лай. Эмма краем глаза уловила рыжую вспышку: пара ирландских красных сеттеров проскочили через парадную дверь и бросились прямо к ней. Она вскинула руки, защищаясь от одной из собак, но той, все же, удалось встать на задние лапы, положить передние на плечи гостье и облизать ей лицо.

Другой пес танцевал вокруг ее ног, одобрительно гавкая.

Она безуспешно пыталась оттолкнуть сеттеров, когда из дверей выскочила Сидни и побежала через весь двор ей на выручку.

– Бонни, слезь! Клайд, пропусти Эмму!

– Они прекрасны! – Эмма постаралась, чтобы похвала прозвучала искренне. В это время Бонни умудрилась лизнуть ее снова.

– Вы удивитесь, наверное, но мое знакомство с заказчиками частенько начинается подобным образом, особенно в сельской местности – все держат собак.

– Простите бога ради! Мы столько денег и времени потратили на их дрессировку, но в итоге у нас все еще самая непослушная пара собак во всем Уорикшире, – Сидни схватила Бонни за холку и оттащила прочь, Клайд же послушно продолжал сидеть у ног хозяйки.

– Не притворяйся, что ты не такой плохой, как она, – Сидни пожурила Клайда. Ее голос что-то напоминал Эмме: да, именно в такой манере говорят выпускницы хороших школ, которые брали уроки верховой езды в местном клубе и играли в крикет на деревенской лужайке по субботам.

Расправив плечи, Сидни откинула за спину свои выющиеся рыжие волосы.

– Простите еще раз. Эти двое постоянно таскаются за строителями. Должно быть, кто-то оставил двери открытыми. Как вы добрались? Не приключилось ли с вами каких неприят-

ностей по пути? Каково нынче движение на М-40? Порой это настоящий кошмар! А как вам поворот к поместью?

Эмма на мгновение прикрыла глаза, раздумывая на какой из вопросов ответить в первую очередь. Веселая суматоха, казалось, кружила вокруг хозяйки Хайбери-Хаус. Эмма заметила это еще во время их видео-созвонов. Но при личном общении с этой женщиной, окруженной парой собак в тени строящегося дома, создавалось совершенно иное впечатление. Собравшись с мыслями, Эмма ответила:

– Ваш дом отыскать было не трудно.

– Я так рада, что вы приехали именно сейчас. Сегодня утром шел дождь. И я сказала Эндрю: будет нехорошо, если Эмма придет поглядеть на сад и попадет под ливень. Но потом погода наладилась – глядь, вот и вы! – Сидни повернула к дому, жестом приглашая Эмму следовать за собою. – Вы простите, у нас так шумно!

– Вы живете тут, несмотря на то, что идет ремонт? – Эмме пришлось почти выкрикнуть этот вопрос. Она огляделась по сторонам. Лестничная площадка была затянута холстиной. У парадной лестницы с резаными вручную деревянными перилами стояла стремянка. В воздухе пахло свежей краской, хотя стены, похоже, только недавно очищены от старых обоев.

– Да, мы живем тут, – раздался мужской голос откуда-то сверху и из-за плеча Эммы. – Меня зовут Эндрю. Очень приятно познакомиться с вами лично.

Эмма пожала ему руку. Она позволила себе разглядеть супругов повнимательнее, отдельно и незаметно скользнув взглядом по мужу Сидни. Он башней возвышался над своей бойкой женошкой. Его очки – ну прямо очки Кларка Кента! – глубоко сидели на переносице. Каштановые волосы были аккуратно зачесаны на бок.

Рукой он обнимал свою супругу за талию так, как если бы это была самая естественная вещь на свете. И глядел на нее сверху вниз благодушно, с ласковой усмешкой и обожанием.

Было сразу понятно, что чета Уилкоксов принадлежала к привилегированному классу, и высокий уровень их образования было невозможно не заметить. Даже стоя посреди своего наполовину отремонтированного дома, все в строительной пыли, они источали холеный лоск. Несомненно, они были золотой парой. Однако опыт подсказывал Эмме, что такая идеальная совместимость грозила обернуться для них и большой болью. Но они являлись ее заказчиками, причем заказчиками денежными: Уилкокс хотели именно реставрационный проект, а не просто заново разбить сад, и даже не дрогнули, когда Эмма озвучила им стоимость такого проекта.

– Мне удалось убедить Эндрю, что нашей команде следует присутствовать на месте работ. – Сидни прикусила свою пухлую нижнюю губу. – Ремонт дома оказался гораздо более масштабным проектом, чем мы ожидали.

Эндрю покачал головой:

– Они говорили, это займет шесть месяцев.

– И сколько времени длится ремонт? – спросила Эмма.

– Уже восемнадцать месяцев, а сделали лишь одно крыло дома. Еще так много осталось, – вздохнула Сидни. – Милый, я как раз собиралась устроить Эмме экскурсию по саду.

– Не хочу утруждать вас, – проговорила Эмма быстро. – Я вполне представляю планировку сада по спецификациям, выполненным Чарльзом, и смогу сориентироваться, куда идти.

– Я настаиваю, – сказала Сидни. – И я бы очень хотела узнать ваши впечатления. К тому же, у меня есть несколько идей.

Несколько идей... У всех ее клиентов были идеи. Но редко какие из них оказывались стоящими. Эмма вспомнила того мужчину из округа Глазго-Сити. Он упрямо хотел себе тропический сад – это в сердце Шотландии-то! – и слышать не хотел о том, что поддержание подобного сада в ухоженном состоянии потребует напряженной работы, а ведь она его предупреждала. Он позвонил через полгода; к тому времени команда «Turning Back Thyme» уже

работала над другим проектом в другой месте. Мужчина жаловался, что все его банановые деревья зимой погибли, и требовал, чтобы их заменили, причем бесплатно.

Эмма вежливо напомнила ему, что, согласно контракту, она не несла ответственность за дальнейшее состояние сада в случае халатного отношения со стороны владельца.

Была надежда, что Хайбери Хаус будет отличаться от прошлого заказа – по крайней мере, работа тут, возможно, даст ей передышку от всех тех новомодных дизайн-проектов, за которые она хваталась, чтобы удержать на плаву свой бизнес. Этот сад, простоявший в запущенном виде многие годы, безусловно представлял собой историческую ценность. Уилкоксы захотели увидеть его цветущим вновь – решили восстановить сад, сделав его в точности таким, каким он был задуман и создан в 1907 году.

Да, Эмма знала, что на это потребуется время, что будут нужны исследования, несопоставимые по сложности с ее прошлыми проектами современных садов. Но она хотела взяться за этот проект – скорее погрузиться в реставрацию, поскольку очень их любила. Так, с одними заказчиками она воевала против того, чтобы внутренние дворики-патио полностью закатать бетоном, а также против дурацких рулонных газонных дорожек, которые владельцы хотели уложить – конечно, поступить так проще, чем заниматься садоводством по-настоящему. В другом, особенно вопиющем, случае она демонтировала пол-акра искусственной лужайки – и заново воссоздала узловой сад¹ 18-го века в французском стиле, представляя, как когда-то прогуливались по его дорожкам английские леди в напудренных париках.

Она могла заставить зацвести давно заброшенные сады, на месте которых долгое время пасли скот или выезживали лошадей. Она умела завести часы вновь, умела вернуть вещи в их изначальное состояние.

И все же, будучи высококлассным наемным дизайнером, она старалась подходить к делу не только формально, Эмма старалась как-то уживаться с заказчиками. Раз уж Сидни будет ей платить, она будет потакать Сидни с ее идеями. Конечно, в пределах разумного.

– Буду рада составить компанию, – Эмма ответила, стараясь, чтобы в голосе звучало побольше энтузиазма.

– Ты с нами, милый? – спросила Сидни Эндрю.

– Я бы пошел, но Грэг говорил что-то про лаги для пола...

– А что с ними? – спросила Сидни.

Эндрю слегка усмехнулся и поправил очки.

– кажется, в музыкальной гостиной вообще нет лаг. Они все прогнили насквозь.

Эмма удивленно вскинула брови, а Сидни изумленно сложила ротик буквой о.

Эндрю помахал им на прощание – изящно и аккуратно, лишь кистью руки – затем быстро обогнул лестницу и исчез в одной из дверей, которые вели вглубь дома.

– Боюсь, о сгнивших полах ему сообщили только что.

Сидни указала Эмме на французские двери²: обе створки были отчищены от старой краски, но их не помешало бы хорошенько отшлифовать пескоструем. – А вот и выход в сад – так мы попадем туда легче всего.

Эмма проследовала за своей работодательницей на широкую веранду. Под ногами лежали крупные сланцевые плиты, некоторые из них оказались расколоты, и корни деревьев проросли сквозь трещины. Но вид с веранды открывался потрясающий. Они находились на вершине пологого холма, а перед ними расстилалась длинная луговина, уводившая вниз к деревьям, ровным строем окаймлявшим спокойное озеро. Эмма прищурилась, вспоминая старую фотографию, которую нашла в Архиве графства Уорикшир: на снимке столетней давности

¹ Каркас узлового сада – это геометрический узор из низкого стриженного кустарника. Композиция могла иметь очертания квадрата, таких секций могло быть несколько (здесь и далее примечания переводчика).

² Французские двери— это двери, как правило, с двумя створками, без импоста, остекление занимает не менее 80 % площади портала.

сти, сделанном в 20-х годах, был запечатлен этот сад – в нем проходила какая-то вечеринка. Получается, что раньше вниз вел короткий ряд ступеней. Далее располагалось так называемое водное зеркало – бассейн; очертания его границ были изысканно живописны и представляли собою две четверти круга. Вдоль восточной стороны этого участка тянулся когда-то длинный бордюрный цветник. Теперь здесь не было ничего, кроме одичавшей луговины, которая не обладала и долей того шарма, придававшего когда-то этому месту вдохновляющий оригинальный дизайн его создательницы Винсенты Смит.

Эмма ощутила, как вдоль спины пробежали мурашки. Она собиралась возродить сад самой Винсенты Смит! Задолго до того, как стать знаменитой в Америке, эта дизайнер Эдвардианской эпохи³ создала несколько садов тут, в Британии.

Эмма своей карьерой была обязана программе BBC про восстановление сада Винсенты в Лонгмарш Хаус. Когда ей было 17 лет, она настояла, чтобы ее родители взяли ее туда на каникулы. В то время как большинство из ее друзей еще раздумывали, в какой университет бы им поступить, она, стоя в том саду, четко поняла, чем именно хочет заниматься в жизни.

Пока они спускались по ступеням веранды, Сидни жестом указала на западный край луговины.

– Там осталось немного теневого бордюра⁴.

Эмма неспешными шагами дошла до одного из деревьев с сучковатыми стволами, что росли вдоль долгой прямой тропы, окаймлявшей луговину в длину. Она погладила холодную грубую кору:

– Эти липы в хорошем состоянии, вся эта липовая аллея хорошо выглядит.

– За аллеей ухаживали работники садово-парковой службы. Папа продолжил нанимать ту же самую компанию, что и дедушка. Они делали, что могли, пытались поддерживать тут порядок, – объяснила Сидни.

Поддерживать порядок – не более.

– Вся эта местность выглядит динамичнее, чем когда ее только создали, – здесь гораздо больше растений, больше жизни. – сказала Эмма.

– Даже несмотря на то, что тут постоянно тень?

Эмма улыбнулась:

– Это обычное заблуждение, что тенивые сады⁵ скучны. К сожалению, я не смогла найти ни одной архивной фотографии, где эта часть только посажена Винсентой. Она любила цвет. Поэтому мы можем предположить, что она использовала цвет и здесь.

– После нашего с вами последнего созвона я приобрела коллекцию ее книг и дневников, – призналась Сидни. – Но она писала так много, я даже не знаю с чего начать.

– Мне очень нравятся дневники Винсенты Смит. Некоторые из них были опубликованы еще в 20-30-х годах, в Межвоенный период. А лет двадцать назад кто-то купил ее старый дом и нашел два дневника, в которых она рассказывала о своих самых первых проектах, – рассказала Эмма.

– Но не про Хайбери.

Эмма покачала головой:

– Если бы такой дневник существовал, у нас бы уже был полностью готовый проектный план... Чайный садик вон там, не так ли? – спросила она, кивком указав на закрытый невысоким воротами проход между липами на другой стороне аллеи.

– Да, – ответила Сидни.

³ Эдвардианская эпоха – это период правления в Британии короля Эдуарда VII, то есть с 1901 по 1910 год, в который также иногда включают и несколько лет после его смерти, предшествовавшие началу Первой мировой войны.

⁴ Теневой бордюр – узкие длинные полосы маленьких декоративных теневыносливых растений, которыми обрамляют дорожки и лужайки.

⁵ Теневой сад – это посаженные на участке с недостаточным освещением теневыносливые и тенелюбивые растения

Они пересекли аккуратную липовую аллею, открыли ворота и вошли в садик для чайных церемоний – тут царил настоящий хаос. Изначально это пространство сада, с одной стороны обнесенное кирпичной стенкой, с другой стороны окруженное тисовой изгородью, было предназначено для леди: – этакое укромное место, где можно вдоволь посплетничать среди причудливых нежных цветов.

– Садовники не часто заходят в зеленые комнаты⁶, – сказала Сидни, с оттенком извинения в голосе. – Папа говорил, что хотел сделать газон и привести в порядок хотя бы те части сада, которые видно из дома, но это оказалось довольно затратно.

Это было заметно. Вот мертвая гаура⁷, вся оплетенная кружевом королевы Анны⁸, – ее иссохшие плети упали со шпалеры и перепутались между собой.

Вот несколько кустов роз – почерневших, тощих, поникших. Было видно, что уже не первый год никто не заботился о том, как они перезимовали, а ведь тут явно требовалась весенняя сильная обрезка! Вряд ли в июне здесь зацветет хотя бы десяток побегов. Вся остальная территория – давно мертвые цветы да захватившие их сорняки.

– Я могу помочь вам найти бригаду, чтобы ухаживать за садами после того, как выполню свою работу, – сказала Эмма.

– Все настолько плохо, да? – спросила Сидни с легкой усмешкой.

– На месте вашего отца я бы потребовала деньги назад. Вот что это за пустырь? Одни сорняки! – она указала на странный клочок утрамбованной земли. Там стояла единственная тиковая скамейка, такая заброшенная, что все ее сиденье оплел дикий вьюнок. – Вероятно, там была когда-то газебо⁹ или пергола¹⁰, что-то подобное.

– Она стала одной из жертв Великой бури 1987 года. Мы тогда потеряли несколько деревьев у озера и на прогулочной аллее. Я узнала об этом, когда нашла в дедушкиных записях рекомендации древовода – так сказать, рецепты древесного хирурга, – пошутила Сидни.

– Удалось ли вам найти какие-нибудь записи, когда сад только появился? – спросила Эмма.

– Пока нет, но я не сдаюсь. Дедушка никогда ничего не выбрасывал. Я до сих пор вытаскиваю из кабинета коробки бумаг и документов. А ведь я даже не принималась еще за чердак. Если там что-то есть, я это найду! – заявила Сидни.

Через проход в тисовой изгороди Эмма следом за Сидни попала в Сад влюбленных, где были лишь голые комья земли да тропические растения, из последних сил цепляющиеся за жизнь. Эмма была уверена, что к таким сортам растений Винсента в свое время доступа не имела.

В садике для детей не уцелело ничего коллекционного не уцелело, тут росли одни дикие полевые цветы; четыре больших вишневых дерева отчаянно нуждались в обрезке, а лаванда вдоль дорожки хоть и благоденствовала, но одичала и буйно разрослась. На месте сада скульптур теперь была лужайка и несколько почти разрушенных статуй, растрескавшихся и облупившихся от непогоды. Следующий сад был совсем непонятным: Эмма внимательно оглядела его, но так и не смогла выяснить его предназначение. Далее находилось то, что задумывалось как Белый сад: предполагалось, что все сорта растений в нем должны быть белыми, но из-за самосева однажды по весне, Эмма была уверена, монохром превратился в многоцветие. Они спу-

⁶ Зеленые комнаты – этот метод зонирования летнего сада пришел из Китая; границей зеленых комнат могут выступать цветники, кустарники, деревья, каменные подпорные стенки, ширмы, забор.

⁷ Гаура – неприхотливый декоративный раскидистый кустарник, цветущий розовыми или белыми цветками с мая до самых заморозков.

⁸ Кружево королевы Анны – так в Англии называют дикую морковь.

⁹ Газебо – открытая беседка с видом на бассейн.

¹⁰ Пергола – навес в виде галереи с горизонтальным покрытием, по которому пускают вьющиеся растения для защиты от палящего солнца.

стились ниже по склону и попали в странное место, которое, предположительно, было давно уже не существующим Водным садом – ложбина посреди него сейчас поросла сорными растениями.

Все увиденное неприятно поразило Эмму: неразбериха и беспорядок из-за годами тянувшегося пренебрежения. Ей стало грустно.

Они зашагали вниз по дорожке между Белым и Водным садами. Сидни махнула рукой:

– А сейчас мы выйдем вот куда!

Поначалу все, что Эмма увидела лишь макушки деревьев да длинные голые побеги плетистой розы, борющейся за место под солнцем над высокой кирпичной стеной. Однако потом, обогнув пологую кирпичную стену, они подошли к железным воротам, покрытыми ржавчиной. Вокруг прутьев густо вилась виноградная лоза, ее дикие побеги давно не обрезали. Казалось, все растения словно пытались сбежать из этого сада.

– Это, должно быть, то, о чем меня предупреждал Чарли, проговорила Эмма.

– Это Зимний сад. Когда я была маленькой, мы приезжали сюда, в Хайбери, только дважды в год – на дедушкин день рождения и на следующий день после Рождества. Но я помню, как папа водил меня на прогулку по садам каждый раз. В середине декабря Зимний сад казался единственным местом, где была жизнь, – сказала Сидни.

– Вы бывали внутри? – спросила Эмма, сжав руками железные прутья и тщетно пытаясь хоть что-то рассмотреть в густой листве.

– Нет. Он был заперт, сколько я себя помню.

Эмма пальцем провела по огромной замочной скважине на железном замке.

– Как я понимаю, ключа от ворот нет?

Сидни покачала головой:

– Ключ – вот еще одна вещь, за которой я охочусь. Эндрю предложил вызвать слесаря, но к тому времени я успела пригласить уже двоих, и оба они ответили, что состояние и возраст ворот таковы, что, скорее всего, пришлось бы срезать воротные петли, иначе не их открыть. Но поступить так мне, говоря по справедливости, кажется... неправильным.

– Неправильным? – переспросила Эмма, сделав небольшой шаг назад.

– Не могла же я без зазрения совести разрушить часть истории сада, в то время как столько трудилась над тем, чтобы восстановить дом. И... – Сидни сделала паузу. – Есть что-то такое в этом зимнем саду. Он кажется таким покинутым.

Весь сад был живым примером запустения! Но Эмма поняла, какие именно ощущения пыталась сформулировать словами Сидни. Они с Сидни были почти ровесницами – и предположение, что кто-нибудь мог намеренно бросить этот сад нетронутым и неухоженным в течение тридцати пяти лет, заставило Эмму затрепетать. Это было так... зловеще? Торжественно?

Это было таинственно!

Да, легкой работы тут не предвиделось. Не было никаких планов. Было мало архивного материала. Многие из прошлой структуры сада оказались утрачены с течением времени. Эмма была уверена, что многих из ее конкурентов все это отпугнуло бы от этого заказа – они предпочитали работать по точным спецификациям и создавать для своих клиентов сады в современном стиле. Но когда Эмма смотрела на весь этот безнадежный беспорядок, она не могла сдерживать волнения и восторга. Этот сад стоил всей бухгалтерской волокиты. Хайбери Хаус был проектом именно такого рода, которые она любила.

– Ну, мы бы могли принести лестницу и попытаться вскарабкаться на стену, – предложила Эмма.

– Эндрю уже попробовал это сделать, – сказала Сидни. – Забрался, но понял, что с другой невозможно безопасно спустить лестницу.

– Когда это было? – спросила Эмма.

– Сразу после того, как мы продали нашу компанию. Мы предложили маме и папе выкупить у них дом. Дедушка оставил им в наследство немного денег, но бóльшая их часть ушла на то, чтобы устранить протечки в крыше и попытаться хорошенько протопить здание, поскольку внутри постоянно проникала сырость. Долгие годы эта забота была для папы камнем на шее, но ему никогда не хватало духу продать дом, – сказала Сидни.

Эмма сдержанно улыбнулась ей:

– И теперь вы решили привести дом в божеский вид.

– Верно. Мы – Сидни и Эндрю Уилкоксы, спасители старых домов.

– И их садов, – добавила Эмма.

– Надеюсь, что размах проекта не отпугнул вас, – улыбнулась Сидни.

Даже если бы масштабы садового проекта Хайбери Хаус были бы еще глобальнее, Эмма все равно взялась бы за него. Готовясь приняться за Хайбери Хаус, она даже пожертвовала более мелким заказом на коттеджный садик в Лестершире – возникли проблемы с поставщиками, сразу с тремя – а заказ в Малоу Глен она завершила еще за месяц до того.

Она упустила выгоду и ее бизнес пострадал, лишившись того денежного вливания, но Хайбери был гораздо более крупным призом.

– Да, ваш проект мудреный, – признала Эмма. – У нас не так много оригиналов документов по саду и фотографий его изначального состояния, чтобы продолжить в том же духе, поэтому я создала новые планы, но они все так же основаны на дизайн-проектах других садов Винсенты из той же эпохи.

– Я еще поразбираю те коробки, – пообещала Сидни. – Итак, что же дальше?

– Приезжает моя команда. Вы уже встречались с Чарли, а теперь познакомьтесь с Джессой, Заком и Вишалом. Для начала они займутся чрезмерно разросшейся растительностью, чтобы мы поняли, над чем мы работаем в действительности.

Сидни захлопала в ладоши, словно героиня из мюзикла, готовая запеть от радости, не в силах подобрать слова. Вместо этого она сказала:

– О, мне не терпится начать! Не могу больше ждать!

«И я тоже не могу», – подумала Эмма.

Эмма вынула из кармана ключи, для чего ей пришлось переложить пакет с продуктами в другую руку. Хотя агент по аренде жилья предлагал проводить ее до Боу Коттедж, она вежливо отказалась. После целого дня, проведенного на обходе имения и сада вместе с Сидни, Эмма жаждала насладиться тишиной и покоем своего съемного жилища.

Отперев входную дверь со второй попытки, она зажгла свет в холле. Захлопнула за собой, с облегчением вздохнула и отправилась искать кухню в этом незнакомом коттедже, который станет ее домом на ближайшие полгода. Вещи из багажника машины она достанет позже. Сначала ей необходима чашка чая, да и зарядить мобильник пора.

Напротив лестничной площадки Эмма увидела дверь в просторную гостиную, рядом располагался небольшой кабинет. В другом конце холла была столовая; поглядев на стоявший там стол со столешницей из досок, она решила, что он замечательно подойдет для черчения, а не для кулинарных развлечений. Следующая дверь вела в кухню, простенькую, но миленькую, с занавесками из марлевки на широких окнах, выходящих вымощенный кирпичом дворик-патио и на засеянную карликовым райграсом лужайку, в самом конце росла старая грандифлора.

Эмма водрузила пакеты с продуктами на тумбу, воткнула в розетку свой сдохший телефон, налила воды в электрический чайник, стоявший наготове, затем принялась вынимать продукты и затаривать ими хозяйский холодильник.

Но девушка успела вынуть только йогурт да молоко, когда забрякали СМС-ки. Она поморщилась, увидев, как много сообщений пропустила, в том числе несколько от Чарли: он

спрашивал сначала, надо ли ему привезти для нее что-нибудь завтра утром, когда они встретятся на месте, а потом упрекал ее в том, что ее телефон снова разрядился и она осталась без связи.

Листая список уведомлений, она поняла, что пропустила звонок от папы. Набрала его номер и включила на громкую связь, чтобы продолжать разбирать провизию.

– Эмма, ты в порядке? – южно-лондонский акцент папы резко разрезал воздух.

– Слышно тебя отлично – ответила она с улыбкой.

– Я весь день проторчал у телефона – ждал, когда же ты расскажешь, как прошел твой первый рабочий день.

– Здравствуй, милая! – где-то на заднем фоне крикнула мама. – Умничка, не забываешь родителей, любим тебя!

– Твоя мать передает привет, – объяснил папа, пытаясь умиротворить эмоциональность жены.

Эмма вздохнула:

– Прости, что не позвонила раньше: мой телефон сдох.

Отец рассмеялся:

– Твой телефон всегда при смерти. Как тебе сад?

Она выложила на тумбу буханку хлеба.

– Все печально. Нынешние владельцы, Сидни и Эндрю, выкупили поместье у родителей Сидни, а они, в свою очередь, получили его в наследство. Думаю, что родители Сидни делали все возможное, чтобы дом уцелел, но на остальные уголья их уже не хватило. Поэтому только представьте себе, в каком состоянии сад.

– Все настолько плохо? – спросил папа.

– Где-то сад был полностью перекопан, где-то вообще заброшен. Даже четыре дерева вишни Морелло выглядят так, будто за ними не ухаживали лет тридцать, не меньше! С растениями нижнего яруса творится настоящий хаос! И еще я даже не смогла определить предназначение одной из зеленых комнат в саду!

– Похоже, ты заполучила работенку себе по душе, – с улыбкой в голосе произнес отец.

– Ну да. Я не сомневаюсь, что это место выглядело прекрасным даже спустя пять лет после того, как Винсента окончила разбивку сада.

Единственное, в чем сомневалась Эмма, так в том, видела ли вообще Винсента Смит плоды своих трудов в этом саду. Однажды покинув Британию, она больше никогда туда не возвращалась, насколько ей было известно.

– Уверен, сад был прекрасен в свое время, – слова папы прозвучали глухо. Кажется, он пытался прикрывать микрофон своего мобильного. Эмма взяла себя в руки, к тому моменту, когда он снова заговорил: – Твоя мать хочет поговорить с тобой.

Наскоро придумывая себе хоть какую-нибудь отговорку, – устала, проголодалась – Эмма услышала, что телефон передали в другие руки, и в разговор вступила мама:

– Тебе удалось узнать что-нибудь про закладку сада?

– Привет, мам. У меня все хорошо, спасибо, что спросила.

– Мы тут как на иголках ждем, Эмма! Тебе нужна та работа начальника отдела консервации архивных фондов, – продолжала мать, игнорируя ее.

Эмма изо всех сил постаралась скрыть свое раздражение. Конечно, ее мать хотела как лучше, а в ее представлении «как лучше» – это стабильная работа в престижном Королевском обществе ботанического наследия. О таком девушка родом из лондонского района Кройдон и не имеющая никакой университетской научной степени даже не смела мечтать.

– Я еще не знаю. Они сказали, что позвонят, если я пройду на следующий этап собеседования, – со скрытым сухим раздражением Эмма.

– Конечно же, они захотят пригласить тебя на интервью снова. Им не найти никого лучше, чтобы возглавить эти их работы по консервации. А у тебя была бы стабильная зарплата хотя бы раз в жизни.

– У меня уже есть стабильный доход, – ответила она. Большую часть времени стабильный.

– А не ты ли все прошлое лето гонялась за той ужасной парочкой, отказавшейся платить тебе? – спросила ее мать.

Надо уточнить, что не Эмма, а ее адвокат преследовал ту пару: заказчики отказались выплачивать ей вторую часть ее гонорара и попытались всучить ей счет всего на каких-то 10 тысяч фунтов стерлингов – откровенно мало за те редкие растения и те необычные решения, которое она привнесла в уже разработанный дизайн сада по настоянию этой пары.

– В конце концов они заплатили, – сказала Эмма со вздохом, вспомнив, насколько весомую сумму из отсуженных тогда денег ей пришлось отстегнуть адвокату за оказанные им юридические услуги.

– После того, как ты пригрозила им судебным иском, – не унималась мать.

– Такое нечасто случается, – устало произнесла реставратор.

– Но такое бывает, девочка моя, признай это. Да, Turning Back Thyme – милое дельце, но золотые горы на этом ты не заработаешь.

– Ма-аам...

– Если ты согласишься работать в фонде, ты наконец сможешь купить себе домик. Южнее Темзы цены на недвижимость не такие уж и высокие. У тебя мог бы быть свой садик, ты жила бы гораздо ближе к нам с папой, а не моталась бы, как сейчас, с места на место, – говорила мать.

– Но мне нравится переезжать! – парировала Эмма.

– Твой отец и я не для того выплачивали все те школьные поборы, чтобы ты стала бездомной бродяжкой! – с нажимом продолжала мать.

– Мама! Я не бездомная. Я живу там, где работаю. Кроме того, если фонд предложит мне работу – чего они не сделали, хотя я уже прошла два собеседования, – мне все равно придется решать, что делать с моей компанией. Это непростое решение.

– Ты могла бы ее продать.

– Мама!

– В этом нет ничего плохого!

Тут Эмма поймала себя на мысли, что не кинулась сразу горячо отрицать эту идею, как сделала бы еще недавно. Да, она любила Turning Back Thyme, но вести бизнес в одиночку было очень трудно. Она жила в постоянном стрессе, каждый год ожидая, а не рухнет ли ее дело. Несколько неудачно выполненных заказов или черная полоса, когда работы нет вообще – и не только ей самой не хватит на жизнь, но и всей ее команде придется голодать.

Если бы она занималась только дизайном, то-то был бы рай! Но в ее обязанности входило еще очень много всего помимо этого. Она была и бухгалтером, и кадровичкой, занималась начислением зарплаты, маркетингом и продажами – все в одном лице. Бывало, работая над сайтом, она ошибалась – сказывалась ночь, проведенная за ноутбуком, когда приходилось обрабатывать кипы цифровых документов, накапливавшиеся не смотря на то, что она вела малый бизнес. Затем она падала на кровать и сразу вырубалась, но потом просыпалась, хватая ртом воздух, послу ночного кошмара, где кто-то взломал банковский счет фирмы и превысил кредитный лимит на 75 тысяч фунтов стерлингов.

Такие дни случались, такие разговоры случались – и это заставляло ее усомниться, а не обманывает ли она сама себя, утверждая, что может заниматься этим до скончания дней.

Откашлявшись, она сказала:

– Мне надо приготовить ужин и подготовиться к завтрашнему дню.

– Эмма, у тебя такой большой потенциал...

Я растила тебя не для того, чтобы ты целыми днями копалась в грязи и земле.

Я думала, ты будешь выше этого.

Ты упустила все шансы, Эмма.

Какое разочарование.

Вновь и вновь слышались ей те ранящие слова, которые мать бросала во время каждой ссоры, а их она устраивала регулярно с тех самых пор, как Эмма бросила университет и выбрала тот образ жизни, который вела сейчас. Именно тот образ жизни, которого так не хотела для нее мать, порвавшая со своими корнями, поднявшись по социальной лестнице и перестав относиться к рабочему классу.

– Мам, мне надо идти, – сказала она неловко.

– Пришли нам фотографии коттеджа, в котором ты сейчас остановилась, – тон матери уже стал вполне веселым, ведь все стрелы были ею выпущены.

– И фото сада тоже! – крикнул ее отец, его было слышно на заднем фоне.

– Пришлю, – пообещала Эмма.

Она завершила звонок и продолжила разбирать продукты, пытаясь избавиться от закравшегося сомнения, а не была ли мама права.

Винсента

Вторник, 5 февраля 1907 год

Хайбери Хаус

Солнечно; ветер восточный.

Каждый новый сад – непрочитанная книга, чьи страницы наполнены возможностью. Этим утром, стоя на ступенях, которые вели к Хайбери Хаус, я вся тряслась от волнения. Новый сад – это новый, полный тяжкого заказа, за которым следует триумф. Тем не менее я решила, что сад в этом имении станет моим главным достижением.

Впрочем, не стану забегать вперед.

Я позвонила в звонок, где-то в глубине дома залаяла собака. Я терпеливо ждала, теребя полы моего темно-синего пальто, так красиво оттеняющего белизну моей блузы. Адаму понравилось, как я оделась. Прежде, чем посадить меня на поезд, он пообещал, что присмотрит за домом и садом, пока я в Уорикшире.

Я была поражена чопорностью Хайбери Хаус. Последний раз я была здесь в декабре, тогда его окна и двери были увиты лентами и гирляндами. Сейчас их не было. Миссис Мелькорт – хозяйка дома, – в тот день отсутствовала, поскольку ездила с визитами к знакомым, но со мной обстоятельно побеседовал Мистер Мелькорт, прежде чем позволил пройти пешком по длинной лужайке вдоль поникших клумб, настолько безыскусных, что это опечалило меня. Он купил этот дом три года назад и теперь, приведя в порядок все комнаты, переключил свое внимание на окрестности. Меня он нанял по рекомендации нескольких из моих предыдущих клиентов, которых, вне всякого сомнения, желал впечатлить.

Он хотел сад, полный элегантности и амбиций, – сад, что будет выглядеть так, как если бы принадлежал этой семье долгие годы, а не являлся недавней покупкой на деньги, полученные по наследству, сделанному на мыловарении.

Массивная входная дверь отворилась со скрипом, похожим на стон; в дверном проеме нас встретила экономка в мрачной униформе: черной, с высоким воротом, и со связкой ключей, что висела у нее на поясе на цепочке, похожей на средневековый шатлен.¹¹

– Доброе утро, – проговорила она нараспев, в ее размеренном голосе слышался бирмингемский акцент.

Я крепче сжала картонный тубус с бумагами, который привезла из Лондона.

– Утро доброе. Меня зовут мисс Винсента Смит. Мне назначено у мистера Мелькорта.

Экономка оценивающе оглядела меня, от шляпки до мысков моих ботинок. Ее губы сжались в ниточку, когда на моей обуви она увидела грязь – тем утром я проверяла свои розы, поэтому емного испачкалась.

– Могу разуться, если хотите, – сказала я насмешливо.

Спина экономки резко выпрямилась и напряглась, словно я уколола ее шляпной булавкой.

– В этом нужды не будет, мисс Смит.

Женщина отвела меня к гостиной на две персоны¹² и жестом приказала ждать подле двери. Я отметила, что эта комната, несомненно, огромна, в нее вела двойная карманная дверь¹³, ее стены были в рост оббиты деревянными панелями, украшенными ручной резьбой.

¹¹ (от франц. *Chatelaine*) Декоративный пояс, к которому на цепочках подвешивались ключи, аксессуары для рукоделия, часы, личная печать, флакон для духов, записная книжка из слоновой кости, нашатырь, лорнет, перочинный нож, увеличительное стекло и проч.

¹² Гостиная на две персоны – гостиная, поделенная на две зоны

¹³ Карманная дверь – это раздвижная дверь, которая при полном открытии скользит и скрывается внутри стены, такие двери делают на кораблях

В одном конце комнаты стояла резная ширма, оберегавшая от пламени, полыхавшего в мраморном камине. С потолка свисала большая люстра, сиявшая электрическим светом, в отблесках которого сверкали дюжины хрустальных бокалов, играли красками гобелены и картины. Однако чудеснейшее из всех украшений находилось в центре этой комнаты: там восседала светловолосая миниатюрная женщина в белом шерстяном дневном платье, перепосанном наискось черной лентой. Напротив нее рядом сидели трое детей; няня следила за тем, как самая старшая девочка читает вслух:

*– Промурлыкала Кэт Совенку в ответ:
На свете нет слаще певца!¹⁴*

– Дорогая, – произнесла женщина в белом, которая, в чем я уверилась, и была Миссис Мелькорт.

Девочка сразу прекратила читать. Из кресел поднялся мужчина с бочкообразной грудной клеткой, одетый в угольно-черный костюм. Это был мистер Мелькорт.

– Мисс Смит, – объявила экономка.

– Спасибо, миссис Крисли. Пожалуйста, пропустите ее, – сказал мистер Мелькорт.

Миссис Крисли отступила назад так, чтобы я могла встать на ее место.

– Мисс Смит, полагаю, ваше путешествие не было чересчур утомительным, – сказал мистер Мелькорт, коротко кивнув.

Я глядела словно заипнотизированная на то, как его кадык упирается в жесткий ворот его сорочки. Неужели все в этом доме – узники, обреченные вечно быть накрахмаленными снобами?

– Поездка прошла приятно, благодарю, – удыбнулась я.

– Моя супруга, миссис Мелькорт, – проговорил мистер Мелькорт.

Я сделала неглубокий реверанс, на который миссис Мелькорт ответила коротким кивком.

Она предпочла не вставать.

– Это у Вас планы сада? – спросил мистер Мелькорт с энтузиазмом.

Я приподняла свой картонный тубус:

– Да, они.

– Уверен, переписка с мистером Хиллоком была полезна, – сказал он.

– Он очень опытный человек. Сообразительный садовник может стать большим достоянием для воплощения моего нового проекта, решила тогда я. Однако после того когда я покину Хайбери, мистера Хиллока обвинят в том, что он поддерживал в сад дух моего творения.

– Хотите посмотреть новые чертежи? – спросила я.

Мистер Мелькорт кивнул. Миссис Мелькорт выдавила лишь скупую улыбку, отослала детей и поднялась, встав возле супруга, также как он, устремив свой взгляд на меня.

Пока я разворачивала свои рулоны с планами сада на столе розового дерева, я незаметно изучала своих работодателей. На мне были очки в стальной оправе, хотя они мне были не особо нужны, разве что только для того, чтобы можно было быстро набросать детализированные скетчи, однако я выяснила, что люди, в большинстве своем, недооценивают женщину в очках, и это часто играет мне на руку.

– Начнем с общего вида земельных угодий. Вы говорили мне, что хотите скомбинировать формальный и естественный стили, чтобы создать ощущение элегантности и вызвать чувство удивления. Большая луговина – это ваш наиболее формальный участок. Я указала на правильный прямоугольник, изображающий чертеже длинную полосу травы, что уже имелась в Хайбери Хаус. – Этот вид с вашей веранды вниз по склону до самого берега озера прекрасен, но

¹⁴ Стихотворение-баллада Эдварда Лира «Совенок и Кошечка» («The Owl and the Pussy-Cat»), изданное в 1867 году.

ему не хватает чего-то, на чем остановился бы взгляд. Недостает драматичности. Мы врежем ступени в склон холма и построим невысокую стену, окаймленную насаждениями. Ступени эти будут уводить вниз, к широкому мелкому зеркальному пруду, и дальше, к не потревоженной полосе лужайки, все дальше и дальше вниз, к озеру.

– Деревья на берегу озера вы срубите? – спросил Мистер Мелькорт.

Я отрицательно покачала головой.

– У вас здесь деревья уже достаточно зрелого возраста: бук, береза и боярышник. Они создадут ощущение, что за этим поместьем стоит давняя история. Как видите, большинство формальных частей сада – это участки, наиболее близко расположенные к дому, где вы, вероятнее всего, станете организовывать увеселения. Я бросила взгляд на миссис Мелькорт. – Возможно, ваши гости будут устраивать пикники или играть в крокет на лужайке, а затем отправятся прогуляться вдоль цветника, что протянется вдоль восточного края луговины, или же захотят пройтись по ее противоположной стороне по липовой аллее, вдоль тенивыносливых цветников. И по мере того, как они будут приближаться к озеру, сад будет естественным образом переходить к более свободному, более дикому стилю.

Миссис Мелькорт изогнула губку в слабой улыбке:

– К более дикому.

– И мистер Каннингэм, и мистер МакКрэй тоже поначалу колебались, когда я предлагала им подобный ход, но могу вас заверить, результатом они довольны, – сказала я, упомянув двоих состоятельных промышленников, которые были членами того же лондонского клуба, что и мистер Мелькорт.

Я затаила дыхание, поскольку это был решающий момент. Окажутся ли Мелькорты из того сорта клиентов, которые думают, что хотят новые, красивые и инновационные садовые пространства, но на самом деле ищут утешительной привычности строгих ухоженных формальных пространств, характерных для садов предыдущего столетия? Или же, может, они позволят мне дать им нечто гораздо большее – создать живое и пышное произведение искусства, в котором можно будет существовать, произведение, более трепетное и яркое, несли любая картина?

– МакКрэй действительно упоминал, что у вас имеются некие радикальные идеи, – сказал мистер Мелькорт. – Однако затем он сказал мне, что достигнутый в его саду эффект принес ему лишь похвалу.

Я помедлила, и когда миссис Мелькорт не высказала никаких возражений своему супругу, тогда я улыбнулась:

– Рада это слышать.

Затем я быстренько набросала эскиз одной из частей рабатки¹⁵, показывая Мистеру Мелькорт, как высокие колонны, увитые клематисами, будут возвышаться над розами, эхинопсисом, колокольчиками, аллиумом и дельфиниумами, – все это в мягких розовых, белых, серебряных и пурпурных оттенках. Я показала чете Мелькортов, как возведенные чуть западнее цветника с тенелюбивыми растениями стены из живой изгороди и кирпича создадут зеленые комнаты, у каждой из которых будет собственная тема, отличная от остальных. Я предупредила хозяев, что некоторым из элементов сада потребуется время: так, у липовых деревьев будет необходимо каждый год бережно привязывать гибкие молодые побеги друг к другу, чтобы создать впечатление, что вы идете между двух живых стен. Мы говорили про то, что из уже имеющейся у Мелькортов коллекции растений будет выглядеть лучше всего в саду скульптур, а где, возможно, будут играть дети.

¹⁵ Рабатка (от нем. Rabatte – грядка) – прямоугольный цветник в виде длинной (более 15 метров), но узкой (ширина от полуметра до двух метров) полосы вдоль садовой дорожки, забора или ограды.

Где-то далеко в доме раздался звук дверного звонка, но Мелькорты едва ли подняли головы.

– Я бы сохранила кухонный и травянистый¹⁶ садики возле дома, переносить их нужды нет. А фруктовый сад у вас уже старый и поэтому хорошо плодоносит, – сказала я.

– Но они так близко к дому, – промурлыкала миссис Мелькорт.

Я сразу поняла, что именно понравилось леди.

– Сейчас только тисовая изгородь отделяет кухонный садик от остальной территории вашего имения. Я бы рекомендовала соорудить стену между кухонным садиком и зелеными комнатами, чтобы создать более сильное ощущение разделения садов для работы от садов для удовольствия. Я могу показать, если хотите.

Звук тяжелых мужских шагов заставил нас всех вскинуть головы – вновь пришедший присоединился к нам. В отличие от мистера Мелькорты, у этого мужчины галстук был повязан кривовато, и даже оттуда, где стояла я, было видно разводы грязи на манжетах его брюк.

– Мэттью! – воскликнула Миссис Мелькорт, при этом ее холодность сменилась неподдельной симпатией.

– Привет, Хелен. Чудно выглядишь сегодня. – Сказал джентльмен, целуя ее в щеку, прежде чем пожать руку мистеру Мелькорт.

– Мисс Смит, позвольте представить моего брата, мистера Мэттью Годдарда, – представила мне пришедшего человека миссис Мелькорт.

– Как поживаете, мисс Смит? – спросил мистер Годдард, беря мою руку. Его рука была теплой, несмотря на то, что он только что зашел с улицы, а на дворе стояли заморозки, и неожиданно крепкой для джентльмена.

– Должен признаться, мисс Смит, – продолжил он. – Сегодня я приехал в Хайбери Хаус в надежде встретить вас. Я большой поклонник ваших работ.

Я отшатнулась от него и отдернула свою руку.

– Поклонник? Вы?

– В прошлом году я побывал в Лонгмарш Хаус. Сады там прелестны, – сказал мистер Годдард.

Я немного успокоилась, с любовью вспомнив Лонгмарш и леди Мэллори. Эта вдова, страстно обожающая природу и свое поместье на вершине холма, доставлявшее ей массу хлопот, стала моей первой важной покровительницей после смерти моего отца. Проект, который я затеяла для нее, был чрезвычайно амбициозен[^] требовалось разбить на холме террасы и создать семь уровней зеленых насаждений. На этом пути я наделала ошибок, впрочем, как и любой начинающий дизайнер, но когда все работы были мною окончены, Леди Мэллори объявила, что теперь у нее есть свои собственные Висячие сады Семирамиды.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр, что вы так отозвались, – ответила я.

Миссис Мелькорт переводила свой взгляд с него на меня и обратно, словно ища что-то. В конце концов она сказала:

– Это действительно серьезная похвала, мисс Смит. Мэттью – специалист по ботанике, причем очень талантливый, уж у него глаз наметан на все эти вещи.

У меня аж живот скрутило от этих слов. Ничто не доставляет мне меньшее удовольствия, чем обнаружить, что в довесок к серьезному заказу прилагается некий любитель-советчик. Частенько это джентльмен из семьи хозяев дома, который, будучи рожденным в богатой семье, решает занять какое-нибудь хобби. Он читает без разбору все о растениях и время от времени даже пытается сам выкопать ямку, но основная часть тяжелого труда перекладывается на его

¹⁶ Кухонный сад – это декоративный сад-огород, состоящий не только из огородных культур, но и из цветов, и приносящий не только пользу, но и эстетическое удовольствие. Травянистый сад – это небольшая грядка, отведенная, чтобы выращивать душистые травы и цветы для использования в кулинарии и народной медицине

замученного и задерганного садовника. Зимняя обрезка растений, когда от жестоких ветров обветривается и трескается кожа на лице. Копание дренажных канав под палящим солнцем. Подготовка лунок и высаживание сотен луковиц, стоя на карачках, для того чтобы к апрелю засадить целый луг лесными колокольчиками. Джентльмен-садовод не хочет принимать в этом ни малейшего участия, поэтому он не имеет ни малейшего представления о практической стороне садоводства, как бы сильно не настаивал на том, что его соображения следует принять во внимание.

– Мэттью, как раз сейчас мисс Смит показывает нам, что же она спланировала для Хай-бери, – сказал мистер Мелькорт.

Мистер Годдард отвесил полупоклон:

– Отнюдь не хотел бы навязываться.

Мне едва удалось сдержать улыбку:

– Ну что Вы, это вовсе не навязчивость.

Мистер Мелькорт вызвал горничную, чтобы та принесла всем их одежду и вещи. Хоть и солнечный, февральский день был обжигающе холодным, потому мы хорошенько укутались.

Когда мы вышли на веранду, я быстро показала, где будет зеркальный пруд, липовая аллея и рабатки. Мистер Годдард слушал сосредоточенно, сцепив за спиной руки в перчатках. То тут, то там он вставлял вопросы, но не более того.

Затем мы прошли пешком вниз по склону туда, где край луговины подходил вплотную к самому дому.

– Здесь будет калитка, – сказала я, жестом указав за пределы кухонного садика, туда, где сейчас была лишь гравийная дорожка: – Если мы перешагнем сюда, то это будет первая из зеленых комнат.

– Какова ее тема? – поинтересовался мистер Мелькорт.

– Чайный сад. Беседка-газебо обеспечит вам и вашим гостям укрытие от солнца или если погода неожиданно переменится.

В первый раз с тех пор, как я начала описывать будущий сад, губы мистера Мелькорта дрогнули в улыбке:

– Как заботливо. – Затем он скользнул взглядом по мне: – Розы в этом саду будут?

– Розы я думала посадить напротив столбиков беседки-газебо, – ответила я, указывая на планы сада, которые захватила с собой.

– Это будут розы Мэттью, конечно же, – проговорила миссис Мелькорт.

– Хелен, я уверен, что у мисс Смит имеются собственные поставщики, у которых она берет розы, – мистер Годдард адресовал мне виноватую улыбку. – Я-то просто балуюсь выведением роз. Пожалуйста, не чувствуйте себя обязанной менять свои планы.

– Он чересчур скромн. Я была бы чрезвычайно рада, если б вы использовали розы Мэттью, – произнесла его сестра. И хоть фраза была сформулирована с изысканной вежливостью, мне было очевидно, что это не просьба, а приказ.

Я рассвирепела. Те розы, которые я запланировала для чайного сада, назывались «Мадам Луи Левек», – еще и десяти лет не прошло, как этот палевый сорт моховых роз был выведен, и вот, теперь его стало можно приобрести. Заменить эти розы на что-нибудь похожее было бы не сложно, но мне не понравилось вмешательство миссис Мелькорт.

Ты должна помнить, что сад – работа совместная. У меня в голове эхом прозвучал давнишний совет моего отца. Следует сделать так, чтобы сад взял все самое лучшее и от тебя, и от твоих клиентов, однако никогда не забывай, что всегда и во все времена полагаться ты должна лишь на природу.

Поэтому, сдержав вздох, я сказала:

– Уверена, мы можем прийти к соглашению касаясь розы, подходящей для чайного сада.

– А другие розы? В других зеленых комнатах? – спросила миссис Мелькорт.

– Быть может, вы могли бы снабдить меня посадочным материалом из ваших запасов, – сухо сказала я, изо всех сил стараясь не скрипеть зубами.

Мистер Годдард вновь виновато поглядел на меня.

– Лучше всего было бы, если бы вы об этом позаботились самостоятельно. Уилмкот отсюда всего в шести милях.

– Итак, с этим решено. Что насчет других зеленых комнат? – спросила миссис Мелькорт.

Я сделала глубокий вдох. Я была полна решимости вернуть себе контроль над своими планами. – Из чайного сада будет проход в сад влюбленных, выполненный полностью в яркой цветовой гамме, посреди него – ваша статуя Эроса, затем сад для детей, в пастельной гамме, с вишневыми деревьями, далее – свадебный сад, весь белый. После него будет водный сад для созерцания. Мистер Мелькорт, мне дали понять, что вы в некотором роде поэт?

Он просиял.

– Томик моих стихов опубликован недавно, в прошлом году.

Адам всегда исследовал хорошенько подноготную наших клиентов, так что об этом я уже была осведомлена. Все же я изобразила удивление и сказала:

– Тогда вам, возможно, приятно будет узнать, что я спланировала сад поэта, с отсылками ко многим великим поэтам. Из него – проход в сад скульптур, чтобы выставить там Вашу коллекцию, далее – зимний сад и дорожка, вдоль которой пущен бордюр из лаванды. Ниже по склону – гравийная дорожка, с южной стороны обсаженная деревьями.

Под сенью этих деревьев, прежде чем вы выйдете к озеру, будет обустроено место для пешеходных прогулок. Я создам тропинки и высажу вдоль них луковицы первоцветов, эта зона будет плавно переходить в лес, простирающийся до самого берега озера и уступающий место полям фермы Хайбери.

Три владельца, я видела, разглядывали планы без воодушевления, несмотря на то, что их сад сейчас состоял лишь из лужайки да клумб с растениями, характерными для напочвенного покрова лесной подстилки. Я же хотела, чтобы они увидели будущий сад таким, как видела его я. Хотела, чтобы они поняли, каким он может стать.

– Он будет удивительным, неожиданным. – Я взглянула на кольца и перстни на пальцах миссис Мелькорт, на жемчужную булавку в галстук ее мужа, повязанном высоко на горле. – И впечатляющим. Этот сад будет рассказывать историю, которой ваши гости смогут наслаждаться вновь и вновь.

Муж и жена обменялись взглядами. В конце концов, Мистер Мелькорт сказал:

– Думаю, перед вами, мисс Смит, стоит довольно непростая задача. Мы будем с нетерпением ждать того момента, когда будет можно увидеть, как она воплотилась в жизнь.

Бэт

21 февраля 1944 год

Моя дорогая Бэт,

до сих пор странно обращаться к вам «моя дорогая», но я думаю, что мне это полюбится. Двое предыдущих суток мы были на марше, вот почему письмо это вы получите с опозданием на несколько дней. Надеюсь, вы не посчитаете, что я вами уже пренебрегаю.

Здесь даже в феврале солнце стоит выше, чем дома, но, как оказалось, я скучаю по туману английской зимы. Так странно вспоминать, как еще несколько недель назад во время учений и я, и все мужчины в нашем отряде жаловались на слякотную грязь, липнувшую к нашим ботинкам. Война – то сильно суровее будет, на бумаге мне всего этого никогда не передать, цензура не пропустит.

Каждый день я думаю о нашем последнем разговоре. Может, мне надо чувствовать себя виноватым за то, насколько внезапно я попросил вас «быть моей девушкой», как сказали бы американские *Джи-Ай*¹⁷. Я не планировал говорить это по телефону, но мне так хотелось услышать ваш голос.

Знание, что дома вы меня ждете, дает мне сил встретить лицом к лицу все, что бы ни было уготовано мне в бою.

Со всей моей преданностью вам,

Коллин

Поезд дрогнул и остановился на станции Ройал-Лемингтон-Спа, из первого и последнего вагонов пассажиры двумя потоками устремились на платформу. Бэт вцепилась в поручень и тоже стала спускаться по ступеням, стараясь, чтобы ее холщовый мешок не соскользнул с плеча и чтобы ее саму не сбили с ног. Когда ее удобные туфли на низком каблучке коснулись цементного покрытия железнодорожной платформы, она выдохнула с облегчением.

Наконец-то.

Добраться сюда из Лондона поездом заняло вдвое дольше по времени, чем следовало бы, но ничего не поделаешь: сумасшествие, творившееся на пассажирских линиях, было приметой военного времени. И так плачевно дела обстояли не только на утренних отправлениях, когда в самую рань она ехала в сельхозколледж, где проходила практику. Но сейчас она почти добралась до фермы Темпл Флосс, которой в ближайшем будущем предстояло стать для нее домом на неопределенный срок.

Полудобнее устроив на плече свою сумку-торбу, девушка начала прокладывать себе путь через толпу прочь с железнодорожной платформы, выискивая в людской массе Мистера Пенворти. Она не имела ни малейшего представления о том, как он выглядит, поэтому не знала, сможет ли узнать его среди других людей, приезжих и уезжающих. Наверное, ей следовало еще в вестибюле станции Мэрилебон переодеться в униформу, как рекомендовалось в ее памятке для дружинниц Женской сельскохозяйственной армии¹⁸, только вот она не стала, поскольку

¹⁷ *Джи-Ай* (GI) – сокращение от *galvanized iron* (амер. англ.) – оцинкованное железо – после вступления США во Вторую мировую войну это буквосочетание стало существительным для обозначения солдата-призывника.

¹⁸ Женская сельскохозяйственная Армия – британская гражданская организация, созданная во время Второй мировой войны, чтобы женщины могли работать в сельском хозяйстве, заменяя мужчин, призванных в армию; ЖЗА размещала этих женщин и девушек на фермах, где требовались рабочие руки, а фермеры были их работодателями.

знала, что эта поездка на поезде – последний раз, когда ей еще можно быть в своей собственной одежде... и не известно, когда можно будет надеть ее снова.

Уже очень скоро ее жизнь будет состоять лишь из подготовки почвы к посадкам, прополки сорняков, сбора урожая да разговоров о погоде. Проходя практику, она слышала разговоры, дескать, уединенная деревенская жизнь может оказаться трудной для городских девушек, но она-то свое детство провела на ферме. Потому Бэт была уверена, что почувствует себя, будто вернулась домой. Кроме того, в некоторых графствах дружинницы Женской сельскохозяйственной армии, бывало, устраивали танцы по вечерам на выходных, для чего собирались в соседнем городке из тех деревень, где работали. Она надеялась, что и в Уорикшире все устроено таким же замечательным образом.

Толпа на перроне начала редеть по мере того, как люди входили в вестибюль станции. Ветер совсем растрепал завитые блондинистые кудряшки девушки и она как раз пыталась закрепить их обратно в прическу, когда заметила пожилого мужчину, стоявшего у двери комнаты ожидания, сжав в руках шерстяную плоскую шляпу, оливково-зеленый вошевая куртка болталась на его худых плечах. Бэт едва попала рукой в ляжку своей торбы; от страха у нее стоял ком в горле и, нервно сглотнув, она направилась напрямик к встречавшему ее.

– Мистер Пенворти? – спросила она дрожащим голосом, несмотря на напускную уверенность.

Он оглядел ее так, словно покупал корову на ярмарке.

– Значит, это ты – лэнд герл.¹⁹

Она кивнула:

– Меня зовут Элизабет Педли.

– Уж больно длинно имя для такой малявки, – заметил он.

– Родители называли меня Бэт, и я хоть маленькая, но сильная.

Он недовольно дернул уголком рта.

– Неужели? Предыдущая девчонка, которую они нам прислали, не стоила и бумаги, чтобы отписать домой про нее.

– Что с ней случилось? – спросила Бэт.

– Ничего, продолжает работать на ферме до сих пор. Мы не можем позволить себе быть чересчур переборчивыми. Это была идея миссис Пенворти, чтобы подать заявку на вторую работницу. Он провел ладонью по голове и нахлобучил шляпу.

– Коль Миссис Пенворти зашла какая идея в голову, лучше всего ей не перечить. Идем. Скоро начнет смеркаться.

Мужчина потянулся было за сумкой Бэт, но она крепко вцепилась в нее.

Он крякнул.

– Как хочешь.

Следом за фермером Бэт спустилась по ступеням с железнодорожной платформы и пошла за ним, когда он направился к запряженной в телегу лошади, стоявшей на привязи у ворот.

– Ты на телеге-то ездил?

– Было дело, но недолго, – ответила она честно. – Родители держали ферму.

– А что, у них ее больше нет?

– Они умерли. Между Бэт и ее собеседником будто молния проскочила, так случилось очень часто, как только она в разговоре признавалась, что сирота. – Я жила у тетки в городе до восемнадцати лет, потом вступила в Женскую Земледельческую Армию.

¹⁹ Так англичане прозвали девушек и женщин, работавших в годы Второй Мировой войны на Земельный корпус; лэнд герлз собирали урожай и выполняли всю мужскую работу.

– Бензин теперь бережем для работ на ферме, вот и ездим на телеге, – сказал Мистер Пенворти.

Она благодарно кивнула, потому что он обошелся без высказываний каких-либо глубочайших соболезнований по поводу ее утраты.

Когда Мистер Пенворти отворил ворота, чтобы девушка могла пройти, она закинула свою сумку в телегу.

– Поедешь на задках или на облучке? – спросил он.

– На облучке, пожалуй.

– Как хочешь, – снова сказал он.

Она вскарабкалась, уселась. Мистер Пенворти тоже уселся, затем взял вожжи. Прицокнул языком – и лошадь пошла.

Бэт думала, что по пути на ферму они будут беседовать, но ошиблась. Дорога была избита колеями, февральский морозец прихватывал. Всю первую половину поездки она старалась унять стучавшие зубы, а всю вторую часть пути держала рукой свою шляпку, чтобы та не слетела. К тому времени как Мистер Пенворти свернул с дороги подле указателя с надписью краской «Ферма Темпл Флосс», Бэт казалось, что пальцы у нее того и гляди отвалятся.

Лишь только лошадь притормозила и телега начала замедлять ход, боковая дверь фермерского дома распахнулась.

– Лен Пенворти, что ты творишь, ты почему позволил девчонке от самой станции ехать в одном тоненьком пальтишке? – властно крикнула высокая женщина в домотканом переднике, туго затянутом на талии. – Она ж околеет!

– Это, стало быть, миссис Пенворти, – пробормотал мистер Пенворти.

Бэт метнула взгляд в его сторону, но, к ее большому удивлению, лицо фермера не выражало ни раздражения, ни усталости. Он тепло улыбался.

– Так-так, вы, должно быть, мисс Педли, – громко спросила миссис Пенворти и хлопотливо поспешила к ней.

– Пожалуйста, зовите меня Бэт, – сказала девушка.

– Бэт, хорошо.

Пожилая женщина обняла ее за плечи и отвела напрямик в кухню. В углу источала тепло огромная черная железная плита, а на столе были оставлены разные овощи, которые миссис Пенворти недошиновала, кинувшись встречать приехавших. До Бэт донесся запах рагу, такой густой, что она чуть не расплакалась. Как же много времени прошло с тех пор, когда она последний раз ела хорошую домашнюю еду.

– Садись-ка ты прямо тут, а я налью тебе чашку чая, – сказала миссис Пенворти.

Муж ее только было уселся в другом конце стола, как женщина бросила через плечо:

– Поди скажи Рут, чтобы приходила знакомиться с Бэт.

Мистер Пенворти тяжело вздохнул:

– Вот уж не знаю, пойдет ли она.

Когда он вышел из комнаты, миссис Пенворти сказала:

– Не обращай внимания на его слова. Не всем дано быть фермером, вот и Рут трудненько было приспособиться. Однако ей самой стало б легче, если б она поняла, что больше она не в Бирмингеме.

– Надеюсь, мне будет проще. Я с десяти лет жила у моей овдовевшей тетки в Доркинге.

Если Миссис Пенворти что и подумала про то, почему Бэт жила не со своими родителями, а у тетки, как истинная жена фермера она не сказала ничего. Вместо этого она спросила:

– А она не заскучает? А то захочет, чтобы ты обратно в Доркинг вернулась?

Бэт призадумалась.

– Полагаю, она рада узнать, что я вношу свою лепту для скорейшего окончания войны.

– Накормим голодающую Британию? – раздался чей-то колкий вопрос. Бэт подняла взгляд – в кухню вошла женщина, ее точеная фигурка напоминала по форме песочные часы, а по плечам рассыпались великолепные рыжие кудри. Одета она была очень хорошо – кашемировая водолазка в рубчик с твидовой юбкой – и это не смотря на то, что одежные купоны нормировали, чего и сколько из вещей можно каждому купить. На ком-нибудь другом этот наряд смотрелся бы безвкусно, но она в нем выглядела так, как если бы собиралась подать своим гостям прохладительные напитки после долгого дня, проведенного на охоте.

– Рут, будьте вежливее! – сказала миссис Пенворти.

Взгляд Рут метнулся от жены фермера на Бэт и обратно. Затем лицо ее дрогнуло в улыбке.

– Я просто поддразниваю, миссис Пи! Меня зовут Рут Харпер-Грин. Бэт нахмурилась – двойная фамилия Рут прозвучала словно выстрел из двустволки. Такие девушки обычно становились секретаршами или работали на коммутаторах, где их хрустально чистое произношение могло быть продемонстрировано наилучшим образом.

Они пожали руки друг другу.

– Приятно познакомиться.

– Выпьемте все по чашечке чая! – сказала миссис Пенворти весело. – Боюсь только, чай простой, ромашковый, ну, так уж надо, раз война.

Мистер Пенворти чай пить с ними не пришел и вообще не появлялся в кухне до самого ужина. Хотя на ужин было лишь овощное рагу, это было самое лучшее, что Бэт ела за несколько прошедших месяцев. После трапезы Рут проводила Бэт в отведенную им комнату.

Закрыв дверь, Рут сразу ничком бросилась на кровать. – Тоска полнейшая! Клянусь, если не случится хоть что-то интересное, я скоро завою со скуки!

– Чета Пенворти, похоже, очень добрые люди. Уверена, мне здесь понравится, – сказала Бэт.

Рут приподнялась, опершись на локоть, и метнула в свою новую соседку оценивающий взгляд.

– Ну да, ты, скорее всего, никогда не веселилась хорошенько в Лондоне. Или хотя бы в Бирмингеме. Уорикшир в этом смысле – сплошное разочарование, если не сказать хуже.

Бэт обиженно надула губы и принялась распаковывать свои пожитки.

– О, я тебя, кажется, обидела, – сказала Рут, поднимаясь на кровати так, чтобы увидеть, куда смотрит Бэт.

– Ничего ты меня не обидела, – сказала Бэт. – Я счастлива, что смогу быть полезна хоть в чем-то.

– Ну, да, мы все обязаны приносить пользу, не так ли? – Рут хмыкнула, дотянулась рукой до комода, вытянула ящичек, вынула из него мягкую пачку папирос и одну спичку.

– Не дыми тут, будь добра, – сказала Бэт, это прозвучало немного более сердито, чем она намеревалась.

Рут подняла глаза, папироска в уголке рта.

– А мышка-то наша, оказывается, умеет кусаться.

– Никакая я не мышь. И была бы признательна, если бы ты не курила в этой комнате.

– С чего бы? – спросила Рут вызывающе.

– Потому что моя тетка Милдред курит, а я никогда этого не выносила. Бэт развернулась всем корпусом так, чтобы видеть лицо соседки, и скрестила руки на груди. – Мы не обязаны друг другу нравиться, но нам действительно надо как-то притерпеться друг к другу. И было бы проще, если бы мы поладили с самого начала.»

В комнате повисла тишина. Бэт не очень-то умела обмениваться колкостями: ей раньше редко приходилось это делать. Возможно, она зашла слишком далеко? Она не хотела нажать себе врага в лице соседки по комнате в первые же часы знакомства. Но тут Рут вынула папироску изо рта и медленно затолкала ее обратно в пачку.

– Извини. Я могу быть несносной девчонкой, когда не по-моему, а эти несколько последних месяцев, кажется, все шло не-по моему, – произнесла Рут.

– Имеешь в виду то, что зря подалась в дружинницы ЗЖА? – спросила Бэт.

– О, да ты непростая куколка, Бетти, не так ли? – расхохоталась Рут.

– Не называй меня Бетти! Это звучит ужасно.

– Я здесь все ненавижу, Бэт. Ненавижу эту работу, ненавижу то, что надо рано вставать, ненавижу то, что тут нет ничего из даже самых заваливающих развлечений. Ненавижу свою ненависть, ведь мистер и миссис Пенворти всегда были исключительно добры и терпеливы ко мне, а я вела себя совершенно ужасно.

– Почему ты не попросишься перевестись на другую ферму? Или вообще уйди в «рены»²⁰ или «ваафы»²¹, – сказала Бэт, все больше уверяясь в том, что для службы на флоте или в авиации Рут годится куда как лучше.

Рут снова бухнулась на свою кровать.

– В «рены» меня не возьмут, ведь меня выпнули из Корпуса АТС.²²

Бэт не смогла удержаться и вытаращилась на живот Рут.

– Выпнули?

– Ну, ты и гусыня, это не из-за беременности или чего-нибудь эдакого! – захохотала Рут. – На базе я сильно набралась и угнала у одного офицерчика машину. Хотела выехать на трассу и погонять-поразвлечься, я хоть и была пьяная, но не в стельку, вполне бы могла рулить, но вместо этого врезалась в ворота, машину разбила. Дура была, да. После такого ни в одно из вспомогательных женских подразделений не берут. Лучшим выходом из всей этой кучи дерьма для меня оказалось стать лэнд герл. Везде призывают, мол армия ждет тебя, но ни одна женщина не жаждет, чтобы ее призвали в армию.

– И ты теперь застряла тут, – сказала Бэт.

– Только до тех пор, пока не найду кого-нибудь, кто на мне женится, впрочем, этого недостаточно. Еще мне надо залететь, вот тогда они точно отпустят меня и позволят демобилизоваться.

– Такую затею тебе быстренько провернуть не удастся, – сказала Бэт.

– А что насчет тебя? Есть у тебя любимый? – поинтересовалась Рут.

– Вообще-то есть. – Бэт подумала о том, как же странно это звучит.

Рут перекадилась на живот и ухмыльнулась:

– Давай рассказывай.

Бэт перевела дух.

– Его зовут Колин. Он вырос на ферме, соседней с фермой моих родителей. Когда я переехала в Доркинг, мы стали переписываться. Это было глупо, правда – нам было по десять лет только – но восемь лет спустя мы все еще переписываемся.

Все еще переписываемся, но уже как... влюбленные? Она и сама не поняла, как это случилось. Просто в один прекрасный день, после Рождества, когда Бэт в доме своей тетки ждала, пока пришлют повестку в Земельный корпус, Колин позвонил.

– Я все обдумал. Мы нравимся друг другу, так ведь? – спросил он тогда.

– Конечно, нравимся. Мы же дружим тысячу лет, – ответила она, смеясь.

– Ты будешь моей девушкой?

²⁰ Рены (= Wrens) – (англ. The Women's Royal Naval Service) – Женская вспомогательная служба ВМФ.

²¹ Ваафы (=WAAFs) (англ. The Women's Auxiliary Air Force) – в 1939 году, когда Британия вступила во Вторую мировую войну, король Георг VI учредил Женские вспомогательные воздушные силы для помощи Королевским военно-воздушным силам.

²² Женский вспомогательный территориальный корпус – подразделение в британской армии во время Второй мировой войны. Женщины служили кухарками, секретаршами, телефонистками, кладовщицами, санитарками, шоферами, почтальонками, инспекторами боеприпасов и т. д.

Она выронила телефонную трубку, едва успев поймать ее, пока та не разбилась об пол. – Что?

– Подумай об этом. Ты скоро уезжаешь на трудармейские сборы. Меня посылают на фронт в Италию через несколько дней. Не лучше было бы, если бы у нас обоих был кто-то, кто бы нас ждал? – спросил он.

– Но, Колин, мы почти не видимся.

– Но мы же пишем друг другу. Мы разговариваем по телефону иногда, – парировал он.

– Ты правда меня любишь? – спросила она.

– Больше, чем какую-либо другую девушку, которую я когда-либо встречал, – сказал он. – Кроме того, кто полюбит такого простого фермерского сына как я, если не девушка, которую я знаю всю свою жизнь?

К ее сомнениям добавилась жалость.

– Это же смешно, Колин, и ты это знаешь. Ты привлекательный мужчина.

Но, несмотря на ее возражения, к тому времени, когда она повесила трубку, вышло как-то так, что у нее был миленок.

– У тебя есть его карточка? – спросила Рут.

Бэт открыла свою сумку и достала фотоальбом, который она, упаковывая свои вещи перед поездкой, бережно положила поверх стопки одежды. Вынула из альбома фотокарточку, на которой был заснят Колин – в военной форме, пышущий здоровьем, но все еще совсем чужой для нее.

Рут придирчиво стала разглядывать фотоснимок с видом такого знатока, что Бэт зарделась.

– Симпатичный, – в итоге объявила Рут. – В каком он полку?

– Полк Восточного Суррея, первый батальон.

– Где он сейчас?

– Где-то в Италии. Он не может рассказать ничего подробнее, только это.

– Должно быть, это приятно – знать, что где-то есть мужчина, который ждет твоих писем, – сказала Рут с легкой завистью. – А я намерена прибрать к рукам кого-нибудь какого-нибудь летчика, пусть только приземлится! Тут, рядом авиабаза, недалеко от Хайбери Хаус.

– Что такое Хайбери Хаус?

– Они что, получается, тебе еще не рассказали?

– Нет.

Рут ухмыльнулась.

– Тогда, думаю, будет лучше, если ты сама все узнаешь.

Когда на следующее утро в полпятого на прикроватной тумбочке зазвенел будильник, обе девушки еле проснулись. А к пяти утра они были уже одеты и заканчивали завтракать за большим кухонным столом Миссис Пенворти. В полшестого мистер Пенворти преподал Бэт первый урок, каково это быть лэнд герл.

Они возили на поля навоз – грязная, дурно пахнущая работа! – которая не делалась легче даже благодаря трактору, которым управлял мистер Пенворти. Утро еще не кончилось, а резиновые сапоги Бэт, выданные ей при зачислении в женское подразделение Земельного корпуса, были полностью в навозе, а ее бриджи были грязными уже выше колен. Пришлось скинуть с себя все то, что она навздевала в то утро перед выходом на улицу – два шерстяных джемпера, жакет поверх них, – и остаться в исподней рубашке. Между большим и указательными пальцами на правой руке черенок вил натер ей мозоль до волдыря.

Самое странное заключалось в том, что несмотря на все неудобства Бэт это нравилось. Быть на открытом воздухе. Вдыхать холодный, колкий воздух с резким запахом навоза. Мышцы у нее горели, но мистер Пенворти разрешил отдохнуть. И они все долго стояли, заво-

рожено глядя на то, как из-за голых, еще безлиственных крон деревьев, росших на краю поля, всходило солнце. Бэт чувствовала себя полной жизни, а еще, впервые за долгое время, знала, что приносит пользу.

Рут же была несчастна.

– Можно, мы остановимся в одиннадцать на перекус²³? – крикнула она.

Восседавший за рулем своего трактора мистер Пенворти нахмурился.

– Второй завтрак? Сейчас еще только половина одиннадцатого!

– Уже совсем скоро, – пробурчала Рут.

– Мы почти все доделали, – сказала Бэт, обернувшись и оглядывая поле, уже две трети которого они удобрили навозом.

Но мистер Пенворти покрепче нахлобучил свою шляпу.

– Надобно удобрить другое поле, когда с этим покончим.

– Еще одно поле?! – взвизгнула Рут.

Бэт издала долгий выдох, собираясь с мыслями.

– Мистер Пенворти, разве миссис Пенворти вам не говорила, что сегодня она, возможно, начнет красить одну из сараек трехчастного амбара?

Фермер остановил трактор и довольно долго непонимающе смотрел на нее с высоты своего сиденья, а потом кивнул.

– Тогда ступай домой, Рут.

Рут подхватила свои вилы и заторопилась к краю поля так быстро, насколько только могла, в своих ботинках, облепленных коркой глинистой глины и навоза.

Бэт принялась опять раскидывать навоз, но мистер Пенворти не стал заводить трактор снова.

– Ты-то еще не утомилась? – спросил он.

Бэт тоже остановилась, подпершись вилами.

– Я выдохлась. Думаю, я в жизни за целый день не рабывала столько, сколько за сегодняшнее утро.

– Тоже хочешь пойти красить амбар? – спросил он.

– Если это то, что вы считаете необходимым, чтобы я выполнила, я сделаю это. Если вам надо, чтобы я осталась тут разбрасывать коровяк²⁴, я останусь и буду разбрасывать коровяк.

Впервые за все их короткое знакомство мистер Пенворти улыбнулся:

– Тогда залезай.

– Залезать?

Он кивком указал на трактор.

– Тебе придется научиться водить трактор на местности. Скоро мы будем сажать свеклу и сеять пшеницу.

Она будет учиться вождению? Колин не поверит! Ведь во всех письмах он упрекал ее, мол, живя в городе, она оставила все деревенские обычаи.

Мистер Пенворти подогнал трактор поближе, она стала взбираться. Ее охватило сильнейшее волнение. Девушка чуть не свалилась с борта трактора, оскользнувшись из-за грязи на сапогах, но все ж забралась на широкое сиденье-скамейку.

– Вот так, – сказала Бэт, положив руки на руль.

– Какую технику ты раньше водила? – задал вопрос фермер.

– Никакую, – ответила она, смущенно улыбувшись.

Он шумно вздохнул.

²³ Перекус в одиннадцать утра (= elevenses) – это выражение появилось в английском языке в 18-м веке, оно означает короткий перерыв, который делают поздним утром, то есть около 11 часов утра, чтобы перекусить и напиток.

²⁴ Коровяк – жидкий коровий навоз, используется для прикорневой подкормки растений, так как делает верхний слой почвы плодороднее.

– И чему вас, городских, там только учат?

От удивления она рассмеялась. – Доркинг городом-то с трудом можно назвать.

– Ой, деука, и не говори, там еще хуже, – ответил он.

– Сейчас-то я ведь учусь.

Старик хмыкнул, и принялся растолковывать основы вождения – зажигание, сцепление, газ, тормоз, переключение передач. Он терпеливо объяснял, как выжать сцепление, как переключать скорости, – как привести в движение эту неповоротливую словно бегемот махину. Он заставлял ее снова и снова повторять это, до тех пор, пока эту последовательность действий она не выучила назубок.

– Сойдет, – сказал и пересел назад. – Едь давай!

У Бэт перехватило горло, она понимала, что сейчас Мистер Пенворти вцепился в край своего сиденья. Она выжала педаль сцепления до пола, повернула ключ зажигания, завела трактор и стала медленно отпускать педаль. Трактор грохочуще взревел. Она отшатнулась назад, моментально подняв ногу с педали. Машина-зверь содрогнулась и тихонько покатила.

– Ну вот, ты его объездила.

Она обернулась, увидела, какое серьезное, смирное выражение лица у мистера Пенворти, и неожиданно захохотала. Она хохотала и хохотала, ухватив себя под бока. Потом услышала басовитый сухой смех старого фермера – звучало это так, будто он выколачивал пыль из своего чувства юмора.

– Что это? Фермер Пенворти смеется вместе с лэнд герл? Никогда бы не подумал, что доживу до такого дня, – крикнул какой-то мужчина.

Бэт сердито вздернула подбородок. Она увидела очень крупного мужчину в армейской офицерской шинели, остановившегося на краю поля возле валка²⁵.

– Капитан Гастингс, стойте там! – рявкнул мистер Пенворти. – Он кивнул Бэт. – Слазь.

Она кубарем скатилась вниз с борта машины и уверенно приземлилась на обе ноги в мягкую, унавоженную почву. Офицер смотрел, как оба тракториста пересекают пашню и идут к краю поля. Лишь приблизившись на расстояние дюжины ярдов, она поняла, почему этот человек показался ей таким широким. В рукав шинели он вдел только одну руку. Другая его рука висела на перевязи, перекинутой через шею, а шинель была наброшена поверх.

– Теперь есть кому составить Вам компанию, – сказал мужчина мистеру Пенворти, когда они остановились напротив него.

– Мисс Педли, это капитан Гастингс, – представил своего знакомого мистер Пенворти.

– Грэм Гастингс из второго батальона Королевских шотландских стрелков-фузилеров.

Рад знакомству с вами, мисс Педли, – сказал капитан Гастингс.

– Взаимно, сэр, – ответила она.

– Должно быть, вы новенькая? – спросил капитан Гастингс.

– Да, вчера приехала. Мистер Пенворти как раз учит меня водить трактор.

– И? – задал вопрос капитан Гастингс.

– Я укротила машину-зверя с первой попытки, – призналась она.

– О, мы все так делаем. Не верьте никому, кто говорит иное. У вас все получится.

– Ага, думаю, она сможет, – согласился мистер Пенворти.

От этих похвал девушка преисполнилась гордости. Она это сможет, она сделает это!

– Могу ли я спросить, что с вашей рукой? – немного смутившись, произнесла Бэт.

– О, это? – переспросил он, бросая взгляд на свою перевязь, словно видел ее впервые. –

Словил фашистскую пулю. Достаточно неаккуратно с моей стороны, на самом деле.

Она не смогла сдержать улыбку.

²⁵ Валок – скошенная трава, лежащая полосой

– Я так понимаю, доктора вас подштопали, чтобы вы могли снова отправиться гулять под пулями?

Капитан Гастингс засмеялся отрывистым лающим смехом.

– Да, медсестрички-сиделки ругали меня и в хвост, и в гриву. Не могу сказать, что хочу испытать это повторно. Плечо мне практически раздробило.

– Мне очень жаль это слышать, – сказала Бэт, сразу же посерьезнев.

– О, перестаньте. Я не только почти уже поправился, но и мне посчастливилось познакомиться с мистером Пенворти, мы стали добрыми друзьями.

– У капитана Гастингса есть интерес к фермерскому делу, – с улыбкой сказал мистер Пенворти.

– Неужели? – удивилась Бэт.

– По-правде говоря, в этом деле я ничего в этом не смыслю, но мне нравится гулять в полях. Ведь если запереться в четырех стенах, очень легко почувствовать себя инвалидом. Да и врачи, кажется, одобряют эти мои упражнения в ходьбе, по крайней мере, до тех пор, пока я осторожен. Капитан Гастингс повернулся к мистеру Пенворти. – Поставки с вашей фермы в Большой дом возьмет теперь на себя мисс Педли?

Бэт взглянула на фермера, чьи губы вновь дрогнули в едва заметной улыбке.

– Авось, – но это было все, что он сказал.

– Что за Большой дом? – поинтересовалась девушка.

– Хайбери Хаус. Особняк был реквизирован под госпиталь для выздоравливающих. Этот госпиталь специализируется именно на повреждениях костей, вот так я там в итоге и очутился. А сейчас... Капитан Гастингс вежливо козырнул, коснувшись пальцами фуражки, – Я должен идти, прошу меня простить. Не то наши сиделки расстроятся, как овечки, если я не вернусь вовремя, пока не начался врачебный обход. Фермер Пенворти. Мисс Педли.

И он зашагал прочь, неспешно, словно ему не было ни малейшей заботы, забинтована его рука или нет.

– Он кажется милым человеком, – сказала Бэт.

– Капитан Гастингс лучше большинства людей, кого я знаю. Окромя нынешних обитателей Хайбери Хаус. Они-то все кровь свою проливали за Британию. Все ж, даже среди них могут найтись...

– Хамы? – подсказала она ему.

Он хмыкнул.

– Хамы-то как раз все хорошо устроились, мисс Педли.

– Буду считать, что вы меня предупредили, – сказала девушка.

Мистер Пенворти улыбнулся вновь. Бэт вдруг подумала, что ее тетка Милдред не была женщиной жестокой, но в ней не было и теплоты. Благодаря ей у Бэт была крыша над головой и обед на столе, но не более. Ни доброты, ни похвалы, ни любви. Ее единственным спасательным кругом был Колин, очень долго был, но сейчас он на войне. От улыбки старика-фермера Бэт неожиданно почувствовала такой свет, что могла бы часами сидеть и греться в этом сиянии.

– Давай-ка обратно на трактор, – сказал Мистер Пенворти. – Будешь пытаться снова и снова, покуда у тебя не начнет получаться уверенно.

Бэт послушно направилась обратно к трактору, но все же невольно она направила взгляд на удаляющуюся фигуру капитана Гастингса.

Винсента

Понедельник, 18 февраля 1907 год

Хайбери Хаус

Промозгло

Рарá, бывало, говаривал мне, что чем ненастнее день, когда растение высаживают в почву, тем пышнее оно зацветет. Если верить этой примете, то, судя по сегодняшней погоде, все растения сада в Хайбери Хаус действительно будут крепкими и здоровыми.

Я приехала только вчера, но уже заселилась в старый коттедж садовника, расположенный на самом краю угодий в южной части поместья. Миссис Мелькорт распорядилась, чтобы мне была выделена одна из гостевых спален в восточном крыле коттеджа. На этом я настаивала с самого начала, заранее узнав, что мистер Хиллок, садовник, живет не в имении, а в деревне, на втором этаже магазинчика, который держит его жена.

Объяснила я это тем, что мне необходимо постоянно внимательно приглядывать за огромным количеством растений, которые я буду размножать черенкованием и семенами, именно здесь, в Хайбери. Впрочем, честно говоря, я быстро привыкла к своей свободе. Хоть я и живу с Адамом, но когда я работаю, он оставляет меня в покое.

В то утро, когда мне пора было начинать выполнять уже не подготовительную, а свою работу в Хайбери Хаус, я оделась потеплее, чтобы защититься от непогоды, и вышла на улицу. Во время своего прошлого визита сюда две недели назад я оставила мистеру Хиллоку указания: следовало расчистить территории там, где будут зеленые комнаты. Подчиняющиеся ему младшие садовники должны также разрезать дернину²⁶ луговины, чтобы обозначить границы всех зеленых комнат. А чтобы улучшить были почву, были привезены телеги плодородного грунта.

Мистер Хиллок встретил меня в воротах у входа в чайный садик. Мы с ним как раз обсуждали проблему, что саженцы лип привезут на этой неделе, но позже обещанных сроков, когда с веранды донеслось чье-то громкое «хелло».

Широкие поля моей садовой шляпы не позволяли увидеть говорившего, я подняла глаза и увидела мистера Годдарда, он помахал нам и сбежал вниз по ступеням.

– С братом хозяйки вы уже вроде знакомы, – сказал мистер Хиллок, вновь надевая на голову фетровую шляпу, после того как чуть приподнял ее небрежным движением большого пальца в знак приветствия.

– Да, когда приезжала сюда из Лондона в начале февраля, – улыбнулась я.

– У него талант к розам. Когда мистер и миссис Мелькорт купили Хайбери Хаус, он привез мне несколько сортов. Просил дать ему знать, как его розы приживутся.

– И?

Мистер Хиллок в раздумьи потер рукой подбородок, подергал себя за бакенбарды и успел – до того, как Мистер Годдард, подойдя, остановился ровно напротив нас, – сказать:

– Они растут как сорняки.

– Мисс Смит, мистер Хиллок. Рад видеть вас обоих. Я просто заехал в Хайбери по пути в Уорик, остановился тут, чтобы увидеться с сестрой, по одному делу, но ее не оказалось дома. Мистер Годдард огляделся. – А вы тут все так быстро расчищаете.

– Чем скорее будет создана архитектура сада – его геометрические линии и вольные элементы – тем скорее я смогу начать заняться посадками, – пояснила я.

²⁶ Дернина – поверхностный горизонт почв, густо заросший травянистыми растениями, преимущественно луговыми или степными злаками; в лесах дерновина образуется на прогалинах, вырубках, опушках и других открытых пространствах.

– Похоже, что-то сажать вы уже начали. – Он кивком указал на тяжелые кожаные перчатки, выглядывавшие из кармана моего рабочего фартука, который я надела поверх длинной коричневой юбки. Перчатки были все в грязи, так же, как и мои грубые садовые ботинки.

– Рядом с теплицей есть несколько хороших кустов будлеи. Я подрезала их, до этого я тоже разок их обрезала, это для того, чтобы потом при пересадке с ними было проще управиться, – ответила я.

– Когда ж вы начнете посадки? – спросил он.

– В апреле, может раньше, если погода будет благоприятствовать, – сказала я.

Мистер Годдард прочистил горло, кашлянув.

– Хочу извиниться за Хелен. Она то упрекает меня в том, что я трачу время на выращивание роз, то распространяется всем о моей гениальности в садоводстве.

– Да, отношения между братьями и сестрами могут быть сложными, мой брат Адам был бы с этим полностью согласен. А я была бы счастлива сделать все, что в моих силах, чтобы включить некоторые из ваших роз в мой дизайн-проект, – улыбнулась я.

Он приложил руку к сердцу.

– Принять участие в любом из ваших проектов, мисс Смит, сыграть в нем любую, даже маленькую, роль. Это было бы для меня большой честью.

Затем он откланялся и ушел.

Но мистер Годдард напомнил о себе несколькими часами позже. Я уже была дома – сидела, погрузив гудевшие от усталости ноги в солевую ванну с сушеной лавандой, когда услышала резкий стук в дверь.

Быстро обтеревшись и сунув ноги в пару старых шлепанцев, я открыла дверь, а затем, высунув только нос в дверную щель, словно воришка, осмотрелась по сторонам.

На крыльце стояла служанка. Она сделала глубокий реверанс.

– Добрейшего вечера, мисс.

– Здравствуйте. Как вас зовут? – спросила я.

Девушка смущенно потупила взгляд.

– Я Клара, мисс Смит.

– Что ж, Клара, чем я могу быть полезна?

– Миссис Мелькорт велит вам прийти на ужин. Если хотите, конечно, – быстро сказала Клара.

Если я хочу. Так это просьба или приказ? Действительно ли ей захотелось пригласить меня? Или это ее муж настоял на том, чтобы мне передали приглашение? Мистер Мелькорт, казалось, был более заинтересован в моей работе в Хайбери Хаус, чем его жена. Будучи дочерью джентльмена, я знала, что леди не имеют обыкновения приглашать к своему столу работниц.

– Пожалуйста, скажите миссис Мелькорт, что я с радостью приду на ужин, – ответила я.

Я уже хотела закрыть дверь, но тут Клара достала из кармана своего тщательно отутюженного пинафора²⁷ какое-то письмо. – Кстати, мисс, вот что вечерней почтой доставили.

Поблагодарив, я взяла письмо. Девушка сделала глубокий реверанс и в таком виде, полуприсев, стала неловко удаляться прочь по тропинке. Не удивлюсь, если затем, скрывшись из виду, она помчалась на кухню, чтобы поскорее рассказать другим служанкам, что, оказывается, вечером ужинать с хозяином и хозяйкой будет та эксцентричная женщина, даже не удосужившаяся стряхнуть с себя всю дневную пыль.

Печать на конверте я поддела и скovyрнула пальцем. Послание было написано прямо на оборотной стороне бумаги, затем сложенной конвертом.

²⁷ Платье-фартук

Дорогая мисс Смит,

Надеюсь, вы не сочтете дерзостью с моей стороны, если я приглашу вас посетить мой питомник роз в эту пятницу утром в одиннадцать. Чрезвычайно редко встречаю я кого-то, кто разделяет мою страсть к растениям, и мне следует приветствовать возможность показать вам мою коллекцию.

Мэтью Годдард

Ферма Вистерия, Уилмкот

На мгновение я непонимающе смотрела на письмо. Не сочтете дерзостью? Да что же может быть менее дерзким, чем приглашение поглядеть розы?

Покачивая головой, я отложила письмо и пошла вынимать из чемодана платье для ужина, являвшееся, кстати, третьим из моих самых лучших платьев, а также доставать пару туфель, в которых не стыдно было бы показаться у Мелькортов.

Эмма

Эмма встала, уверенно подбоченившись, и оглядела на сухой ров, который когда-то, вероятно, был прекрасным водоемом, испещренным водяными лилиями.

– Нам надо будет его полностью перекопать, заново наполнить водой и переобустроить дно, – проговорила она.

– Не похоже, что тут было какое-то водное сооружение, – сказал Чарли, делая заметку в своем телефоне.

Она нахмурилась.

– Никогда не слышала, чтобы Винсента в своих садах использовала насосы для подачи воды, но без планов...

– ...невозможно узнать это наверняка. – Ее друг кивнул. – Ты ж усадила Сидни копать в их семейном архиве?

Она усмехнулась:

– Ты меня хорошо знаешь.

– Да, ты никогда не упускаешь шанса припахать к проекту реставрации самих владельцев, я ни разу не видел, чтобы кто-то из заказчиков сорвался у тебя с крючка.

– В конце-концов, это их сад. Они тоже обязаны заботиться о нем. Иди сюда, хочу показать тебе кое-что.

– Было бы славно, если бы Сидни удалось отыскать какой-нибудь давно утерянный дневник Винсенты и тайник с ее письмами, – задумчиво произнес Чарли, когда они шли по дорожке, обсаженной разросшимися и потерявшими форму тисами. Эта дорожка являла собой верхнюю границу водного сада, а по другую ее сторону начиналась та самая загадочная зеленая комната.

– И чтобы в них было подобное описание, где все было рассажено и почему. Эх! Мечтать не вредно.

– Ты же знаешь, мы успешно воссоздавали сады, пребывавшие в гораздо худшем состоянии, – настаивал он.

– Твоя уверенность испарится после того, как увидишь это, – сказала Эмма. Они пролезли через дыру в тисовой изгороди и увидели, в каком диком беспорядке побеги ежевики сплелись с ветвями деревьев над вершиной кирпичной стены зимнего сада.

Чарли тихонько присвистнул.

– Если это выглядит настолько ужасно отсюда, то...

– ...я и представить не могу, что творится внутри, – закончила фразу Эмма.

– Что тебе известно про это?

– Сидни сказала, это зимний сад, – ответила она.

– Тогда почему там из середины растет двадцатифутовая буддлея? Это же не зимостойкое растение, – спросил он.

– Потому что буддлея самосевом проберется везде, куда только сможет. Из семян она даже лучше вырастает, – объяснила девушка, ведя его вокруг скругления стены до тех пор, пока они не достигли ворот.

– Если верить воспоминаниям Сидни, за всю ее жизнь эти ворота ни разу не отпирались.

– Зловеще, – сказал Чарли и потряс ворота. С них посыпалась ржавчина, казавшаяся оранжевой на его темно-коричневой коже. – Ворота-то добротные, но вот обращались с ними плохо уже лет сто, если не больше.

Она сощурилась, пытаясь проникнуть взглядом сквозь путаницу ветвей. Даже в конце февраля густая растительность загораживала обзор. В этих зарослях легко было различить только плетистые розы да ярко-красную кору кизила. А там, дальше – неужели это морозник пробивался из-под необрезанной камелии? – трудно сказать.

– Похоже, у всех этих растений было лет двадцать-тридцать бесконтрольного роста. Вероятно, когда они уже начинали лезть в остальную часть сада, кто-то приносил лестницу и просто вырубал самые настырные. Ты только посмотри, как тот кизил обкромсан, – Чарли, указал на странно наклоненное дерево.

– Сидни говорила, что садовники сократили частоту обрезки до одного раза в год. – Чарли стрельнул в нее взглядом, и она добавила: – Я уговорю ее нанять новую бригаду садовников, из другой фирмы, прежде чем мы уедем отсюда.

– Так как нам все же пробраться в зимний сад? И что же мы обнаружим там, когда проникнем в него?

И почему он был заперт так долго?

Чарли сдвинул на затылок выцветшую бейсболку Mets, которую давным-давно привез из поездки в Нью-Йорк, и почесал лоб.

– Разной степени разруху?

– Уверена, – ответила Эмма.

– Мы принесем болгарку, разрежем прутья и так откроем ворота, – предложил мужчина.

– Я не меньше, чем ты люблю побаловаться с болгаркой, но здесь это не прокатит. Владельцы очень трепетно относятся к идее сохранения истории, рушить ничего не разрешают.

– Тогда берем плодосъемник²⁸ и продельваем в зарослях проход достаточного размера, чтобы спустить лестницу вниз на ту сторону стены. Мачете на рассвете!²⁹ – пошутил он, для пушного эффекта еще сильнее утрируя свой шотландский акцент.

Через плечо Чарли Эмма заглянула в щель ворот.

– Все может быть, но эти растения могут оказаться ценными.

– Должен быть другой путь.

– Ага, ключ. Но пока он не нашелся, нам придется что-то придумать, – сказала она.

– Эй, а ты слыхала про ту работенку в Королевском обществе ботанического наследия? – спросил Чарли.

Она оцепенела.

– Что?

– Он ищут руководителя комитета по природоохране.

– Да ладно, – медленно произнесла она.

– Ты бы с этим отлично справилась.

– С чего бы это мне понадобилась работа? У меня есть TurningBackThyme, – ответила она резко.

Он шутливо поднял руки вверх.

– Эй! Эй! Я просто подумал, что та работа могла бы тебе вполне подойти...

– Шесть лет я положила на то, чтобы построить этот бизнес.

– Не притворяйся, что тебе никогда не хотелось взять и закрыть все свои проекты. Я же знаю, что ты пребываешь в постоянном стрессе. И не любишь работать с клиентами. – сказал Чарли.

А еще не люблю логистику, не люблю управлять персоналом, не люблю платить налоги... этот список можно продолжать до бесконечности.

– Я обожаю наших клиентов, – ответила она твердо.

Практически сразу после этих слов зазвонил ее мобильник. Она вытащила телефон из заднего кармана джинсов и скривила лицо, увидев, кто звонит.

– Уилл Фрейн.

²⁸ Плодосъемник – специальное приспособление, которое используется для сбора вишни и черешни из труднодоступных мест, если ягоды не удастся достать.

²⁹ Мачете на рассвете! – «Мачете» (англ. Machete) – американский трэш-боевик режиссеров Роберта Родригеса и Этана Манникиса с Дэнни Трехо и Мишель Родригес в главных ролях.

– Муж нашего инфлюенсера? – спросил Чарли. – Разве он не звонил на той неделе?
Вздыхнув, она свайпнула, чтобы ответить.

– Это TurningBackThyme, Эмма слушает.

– Эмма, – зажуужал голос Уилла. – Джиллиан тоже здесь. Разреши, поставлю тебя на громкую связь.

– Эмма, – проворковала Джиллиан в телефон, – мы по тебе скучаем.

– Чем могу вам помочь, Джиллиан? – спросила Эмма.

– У нас тут проблема с садом... – начала Джиллиан.

Их сад состоял из серии традиционных английских бордюров, засаженных таким образом, чтобы создать эффект омбре, с переходом от темно-фиолетового через лиловый к палево-белому. Клумбы соединяла извилистая разноуровневая дорожка, которая заканчивалась колодой из красного дерева, окруженной вишневыми деревьями.

Этой весной клумбы выглядели хорошо, а через несколько лет они будут вообще потрясающими, когда вырастут и зацветут все высаженные на них многолетники.

– У ваших садовников возникли какие-то проблемы с теми инструкциями, которые я им оставляла, после передачи сада под их контроль?

– О, ничего такого, – ответила Джиллиан.

– Тогда в чем проблема?

– Ничего не цветет! – в голосе прозвучала истерическая нотка.

– Это действительно проблема, – влез в разговор Уилл. – У Джилли фотосессия завтра, и нет ни одного цветка.

Эмма прижала кончики пальцев ко лбу, тихо проклиная глупость собеседника, но терпеливо пояснила:

– Сейчас февраль. В вашем саду ничего цвести не будет по крайней мере до апреля, разве что деревья скоро выпустят почки.

– Но, Эмма, какой толк от сада, если в нем нет цветов? – удивленно спросила Джиллиан.

– Сады возделывают циклично. В саду надо выполнять сезонные работы. Вот почему я предложила метод последовательных посадок. При таком подходе большую часть года в вашем саду будет немало интересного, на что можно посмотреть, – Эмма старалась объяснить все подробно.

Чарли, стоявший поодаль, фыркнул.

– А что интересного у нас есть?

– Множество растений, зацветающих поздней весной и ранним летом. В июне они будут выглядеть потрясающе. – Она ведь уже предупреждала Фрейнов именно об этом. Однако, когда они услышали, что последовательная посадка будет означать регулирование постепенного расцветания в течение всего сезона цветения, и что не будет такого, что все их клумбы зацветут разом, они пошли на попятный. А поскольку за все платили они, Эмму принудили неохотно уступить.

– Мне необходимо, чтобы цветники выглядели великолепно сейчас! Мы вокруг этого построили рекламную кампанию и уже продали ее одной компании, – в голосе Джиллиан послышалась паника.

– Какой компании? – задала вопрос Эмма.

– Это сабскрипшн бокс для интернет-магазина органических продуктов, – сказала Джиллиан.

– Поговорите про то, как сады меняются в зависимости от сезона и, таким образом, там созревают овощи. И если ты ешь сезонные продукты, ты уменьшаешь углеродный след. Если они действительно за органическую еду, они ухватятся за эту идею сезонной еды и устойчивой гастрономии, – посоветовала Эмма.

Перешептывания на другом конце провода. В конце-концов, Джиллиан сказала:

– Мы можем так сделать. Спасибо!

– Удачной съемки, – пожелала Эмма.

Когда она снова повернулась к Чарли, он расхохотался.

– Однажды я выбью тату у себя на лбу типа «Сады – это не только цветы», – проворчала она.

– Бьюсь о заклад, что Королевскому обществу ботанического наследия не приходится иметь дело с Джиллиан Фрейн. – Когда Эмма сердито взглянула на мужчину, он передернул плечами: – Я просто шучу.

Она не смогла сдержать улыбку.

– Давай, пойдём уже размечать рабатку³⁰.

– Есть, босс!

³⁰ Размечать рабатку – Составив план, выбрав место и подходящие растения, можно приниматься за создание рабатки.

Стелла

Февраль 1944 год

Стелла хлопнула дверью кладовой так, что часы, висевшие над дверью, задрожали и чуть не упали со стены.

– Миссис Джордж, – рявкнула она на старшего армейского кашевара госпиталя Хайбери Хаус. – Уже второй раз за последние несколько недель вы пытаетесь сбежать, стащив мое молоко!

– Мисс Аддертон, пожалуйста, – со вздохом произнесла миссис Диббл, экономка Хайбери Хаус, которая, как и Стелла, была в штате врачебного персонала госпиталя.

Миссис Джордж, та самая негодяйка в синем саржевом платье, неспешно вытерла руки своим чистым белым полотняным передником. Все это время двое младших кашеваров, ее подчиненных, тарачились на них во все глаза и так увлеклись, что даже перестали чистить картошку – и поэтому каждая в одной руке держала картофелину, а в другой руке нож.

– Мисс Аддертон, думайте, что говорите. Вы действительно обвиняете меня в воровстве? – спросила Миссис Джордж.

– Уверена, мисс Аддертон не стала бы...

– Я обвиняю не вас, – Стелла осадил миссис Диббл. – Говорю же вам, я знаю, что вы снова украли молоко из кладовой. И яйца украли. Сегодня утром было шесть яиц, они лежали в зеленой миске. А теперь в миске лишь четыре яйца.

Те четыре курицы-несушки, которых миссис Саймондс позволила ей содержать в углу кухонного садика, неслись теперь гораздо реже, чем полгода назад, поэтому яйца становились все ценнее. Натуральное же молоко, коровье – не то молоко, что разводят из порошка, – было на вес золота. Ну а про натуральные сливки в настоящем кофе и говорить нечего – Стелла даже представить себе боялась, на какие преступления готова была бы пойти ради того, чтобы только попробовать их вкус.

– Мы в этом госпитале не нуждаемся в ваших молоке и яйцах. У нас свои пайки. – заявила миссис Джордж.

– А как же тот случай, когда я вас поймала с поличным? Ваши руки были по локоть в муке!

Женщина потупила взгляд и стала смотреть на грудку картошки перед собой.

– Произошла экстренная ситуация, мне надо было срочно испечь бисквитное печенье. Я твердо намеревалась возместить то количество муки, которое взяла для теста.

– Так я тебе и поверю, – проворчала Стелла.

– Простите, мисс Аддертон, – раздался кроткий голосок с другого конца помещения.

Стелла развернулась на каблуках и оказалась лицом к лицу с младшим кашеваром мисс Грант, миниатюрной девушкой лет девятнадцати.

– Что? – требовательно спросила Стелла.

Мисс Грант открывала и закрывала свой ротик, словно рыбка, вытщенная из воды, силясь что-то произнести.

– Что такое, мисс Грант? – повторила Стелла ободряюще, постаравшись смягчить свой тон.

– Это я сегодня утром яйца разбила. Я была в кладовой, попятилась, как-то не так двинулась, задела прилавок спиной и, должно быть, качнула его, и миска с яйцами опрокинулась, и два яйца выкатились и упали на пол, и мне так жаль, мисс! – Девушка говорила правду, рассказывала взахлеб, пока, наконец, полностью не выговорилась, потом ее плечи поникли.

Миссис Джордж кинула на нее ехидный взгляд.

О, почему эти чертовы половицы не разверзлись и не проглотили меня?

Миссис Джордж отметила, что Стелла напугала ее кухаркаих сильнее, чем фашисты напугали наших раненых солдатиков, которые расположились там, на втором этаже. И что сейчас мисс Грант в страхе побежит от нее еще быстрее, чем проклятые немцы драпали от наших парней. Еще она сказала, что терпеть не может, что ее кухню заполонили кухаркаихи из Отряда добровольной помощи³¹, но еще сильнее ее раздражает то, что эти же самые кухаркаихи перестанут теперь с ней разговаривать.

Она приложила руку к синтетическому шелковому шарфику, повязанному на манер тюрбана, чтобы волосы не выбивались наружу, и расправила плечи и, встав наизготовку, стала заглаживать свою вину.

– Мисс Грант, со всеми случаются несчастные случаи, бывает.

– Я возьму битые яйца. Я... я придумаю способ, как это сделать, – пообещала Мисс Грант.

Но Стелле яйца были необходимы сегодня вечером, и провинившаяся девушка никак не успела бы раздобыть их к сроку. Из них кухаркаа должны были сделать сладкий заварной крем, который Стелла подавала бы к столу, чтобы завершить вечеринку, которую миссис Саймондс устраивала для отца Билсона – викария Хайбери, его жены миссис Билсон и мистера Хиссопа, солиситора³² из соседней деревни.

Война шла уже долго, поэтому почти никто не питал иллюзии, что какой-либо званый ужин хотя бы приблизительно будет таким, как до 1939-го года. Но Миссис Саймондс была одной из тех немногих, кто с таким положением был не согласен. Не подать к ужину пудинг – ну и что, что кругом война! – неслыханное дело.

– Я сделаю хороший крем и на четырех яйцах, мисс Грант, – пообещала Стелла.

Девушка часто закивала и побежала по коридору.

– Но, мисс Аддертон, Миссис Саймондс специально велела подать сладкий заварной крем, ведь это любимый десерт викария, – поговорила миссис Диббл, заламывая руки в отчаянии.

– Боюсь, отцу Билсону придется довольствоваться каким-то другим сладким блюдом и быть счастливым, – сказала Стелла, мысленно прокручивая список рецептов и пытаясь выбрать тот, который можно было бы приготовить, имея четыре яйца, немного молока и по чуть-чуть всех остальных ингредиентов.

– Пойду, расскажу миссис Саймондс, – сказала миссис Диббл.

– Ну и идите, – бросила Стелла в спину ретировавшейся экономке, зная, что новость, которую та принесет своей работодательнице, навлечет на нее же самую хозяйский гнев. Причем гнев ничуть не меньший, чем тот, который вызывала у миссис Саймондс в последние несколько дней и Стелла.

Миссис Джордж указала на свою другую помощницу:

– Мисс Паркер, подите к мисс Грант.

Высокая кухаркаиха-помощница положила нож и практически бегом покинула кухню.

Оставшись один на один со Стеллой, миссис Джордж начала было:

– Мисс Аддертон...

Но та подняла руки в знак того, что сдастся.

– Мне жаль, что я расстроила мисс Грант. Я извинюсь перед ней.

– Мы должны держаться друг друга так же тесно, как бойцы в казарме, – сказала Миссис Джордж.

³¹ Voluntary Aid Detachment (VAD) – Отряд добровольной помощи – был добровольным подразделением гражданских лиц, обеспечивающих медсестринский уход за военнослужащими в Соединенном Королевстве и других странах Британской империи в годы Второй мировой войны.

³² Солиситор – это категория адвокатов в Великобритании, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел в судах графств.

– Вы бы лучше не моральный дух своих подчиненных поднимали и сплачивали их ряды, а заставили бы навести порядок на рабочем месте, – ответила Стелла, бросив выразительный взгляд на столешницу, которую покрывали картофельные очистки.

Она приготовилась продолжить свои нападки, но ее прервал стук в дверь кухни. Стелла твердым шагом подошла к двери, рывком отворила ее и застыла. Напротив нее стояла не кто иная, как ее сестра Джоанна, вдобавок тащившая на буксире племянника Бобби.

– Привет, Эстрелла, – сказала Джоан, назвав ее так, как делала всегда, когда хотела от нее чего-либо.

– Что ты тут делаешь, Джоан? – спросила она, принимая из рук сестры шерстяное пальто темно-синего цвета с широкими черными войлочными лацканами, так выгодно оттенявшее ее бархатистую кожу и пышные золотисто-каштановые волосы. А маленькую черную элегантную шляпку, заломленную под острым углом и увенчивавшую головку Джоан подобно короне, Стелла в последний раз видела на сестре в день похорон ее мужа. Помада у Джоан неряшливо размазалась – ярко-красная киноварь с блеском, слишком вызывающий цвет, чтобы считаться респектабельным.

– Ты вообще собираешься нас впустить в дом? На улице-то холодно.

Но Стелла даже не пошевелилась, тогда Джоан опустила ладонь на голову Бобби.

– Ты ведь не допустишь, чтобы твой племянник до смерти продрог, не так ли?

Стелла отступила на шаг, освобождая вход.

– Какая чудесная большая кухня тут у тебя, – проговорила Джоан, оглядываясь по сторонам, кивая в знак приветствия Миссис Джордж и другим кухаркайхам, которые незаметно прокрались обратно на кухню.

– Кухня не моя. Ты почему не в Бристоле? – Стелла посмотрела на маленький коричневый потрепанный чемоданчик, ручку которого крепко сжимала сестра. – И почему ты с поклажей?

Тут Джоан как-то вся сжалась, выглядя виновато.

– Ты рассердишься на меня.

– Что ты натворила?

– Вот потому-то я не хотела сообщать тебе в письме, лишь бы ты не отказала мне...

– Джоан... – тон старшей сестры стал предостерегающим.

Джоан сделала глубокий вдох, набрав в легкие побольше воздуха и выговорила.

– Мне нужно, чтобы ты забрала Бобби.

Стелла ошарашено моргала.

– Прости, что?

– Твой племянник. Мне надо, чтобы ты его забрала. Снова начались бомбежки, – проговорила Джоан.

– Но ведь сейчас не начало войны, чтобы эвакуироваться в таком спешном порядке, а ты выглядишь как беженка, – ответила Стелла.

– Я сейчас тружусь на патронном заводе. Я незаменимый работник, – объяснила Джоан.

Это стало для Стеллы новостью. Она помнила, что ее сестрица всегда бежала от подобной работы как от огня, но, возможно, так дело обстояло раньше, пока был жив муж Джоан.

– Кроме того, я не могу снова ехать в эвакуацию с Бобби, – продолжала Джоан. – Я рехнусь, если они отправят меня в деревню. Но ведь у меня есть ты. И ты можешь его взять.

Стелла поглядела на племянника – мальчик посмотрел своими большими светло-кариими глазами на нее, а потом опустил головой.

– Я не могу, Джоан. Я кухарка. Я весь день на работе.

Она в одиночку руководила всем кухонным хозяйством Хайбери, кроме того, дважды в неделю дежурила в местной дружине МПВО³³ и каждый вечер в своей комнатенке за крохотным письменным столиком допоздна корпела над своей курсовой работой. У нее и на себя-то времени едва хватало.

Но когда она смотрела на худенького маленького мальчика – в школьном форменном пальтишке, которое было ему немного мало, в нелепом большом, – где-то в глубине ее души всколыхнулось и поднялось чувство вины. Как могла она отказать своему племяннику?

– На сколько его забрать? – спросила она.

– Ох, Эстрелла, спасибо тебе! – воскликнула сестра, бросившись с объятьями ей на шею.

– Я еще ни на что толком не согласилась. Я должна сначала спросить у миссис Саймондс и...

– Спросить у меня? О чем?

Стелла замерла, а потом, обернувшись, обнаружила, что в двери вошла миссис Саймондс, как всегда собранная и целеустремленная.

– Ну и дела. Миссис Диббл сказала мне, что заварного крема сегодня не будет, но я никак не ожидала, что это из-за того, что у вас тут вечеринка, – сказала хозяйка.

– Бобби, мой племянник, Джоан, моя сестра, – представила родственников Стелла.

Миссис Саймондс оглядела сестер, переводя взгляд с одной на другую, словно пытаясь увидеть сходство между бесцветной тихоней Стеллой и дерзкой и яркой Джоан.

– Ваша сестра?

– Так приятно познакомиться с вами, миссис Саймондс, – сказала Джоан, протягивая руку, готовая к рукопожатию.

Стелла от ужаса была готова выпрыгнуть из кожи. Сестра кухаркаихи направляется к леди чтобы пожать ей руку! Уж Джоан – дочери служанки и сестре служанки – следовало бы об этом знать.

Миссис Саймондс поглядела на протянутую ладонь Джоан и обвиняющим взглядом обвела комнату.

– Будьте любезны хоть кто-нибудь объяснить мне, что здесь происходит?

– Джоан живет в Бристоле и беспокоится из-за воздушных налетов. Она беспокоится о безопасности Бобби и потому привезла его сюда. Это стало в некотором роде сюрпризом для всех нас, – торопливо объяснила Стелла, надеясь, что ее работодателяница умеет читать между строк, ведь намек был явным и толстым, а строки очень широко стояли друг от друга.

У Миссис Саймондс промелькнула тень понимания в глазах, она пристально поглядела на Джоан.

– А каковы были Ваши предположения, где Бобби станет спать, миссис?..

– Рейнолдс, мэм, – ответила Джоан. В присутствии леди-владелицы поместья она растеряла всю свои прежнюю смелость. – Я подумала, что, может, Стелла выделит ему местечко. Она говорила, у нее есть своя комната...

– Неужели? Хорошо, тогда, я полагаю, нам придется найти для Бобби кроватьку?

– Он не будет обузой. Он может даже помогать мне по кухне, выполнять мелкие поручения, – сказала Стелла.

– Не несите глупости. Он ребенок, – сказала миссис Саймондс.

– Он пошел в школу, как раз в этом году, в Бристоле, – рассказала Джоан.

Миссис Саймондс сделала шаг вперед, остановилась перед Бобби, склонилась над ним.

– Сколько тебе лет, Бобби?

³³ Air Raid Precautions (ARP) – местная противовоздушная оборона – в годы Второй мировой войны организация в Соединенном Королевстве по защите гражданских лиц от опасности воздушных налетов.

Бобби ручонкой вцепился в подол материнского пальто, молча, но внимательно, в восхищении глядя на незнакомую ему новую леди.

– Давай же, Бобби, – Джоан выдернула край своего пальто из его пальчиков. – Поначалу он может немножко посмущаться, но когда привыкнет, будет тот еще говорун.

Миссис Саймондс не обратила на нее ни малейшего внимания – ее взгляд был прикован к мальчику.

– У меня тоже есть маленький мальчик, его зовут Робин и у него комната полным-полна чудных игрушек. Тебе хотелось бы их посмотреть?

– Да, – прошептал Бобби.

– Да, мэм, – чуть слышно подсказала Стелла.

– Хорошо. И быть может, у нас получится устроить тебя даже в ту же школу, куда ходит Робин. Тебе нравится ходить в школу?

Бобби кивнул.

– Очень рада это слышать. – миссис Саймондс выпрямилась. – Я возьму его с собой к Робину завтра, а также прослежу, чтобы ему оформили регистрацию³⁴.

Это был благородный жест – устроить ребенка в школу в середине полугодия было не просто кому бы то ни было. Но только не такой влиятельной леди как миссис Саймондс. Однако Стелла не смогла удержаться от того, чтобы не заскрипеть зубами от злости: взять и принять решение за нее – какое высокомерие и неуважение!

– Итак, почему бы тебе не позволить миссис Диббл отвести тебя в гости к Робину и Нэнни? Уверена, что твоей маме и твоей тете есть о чем поговорить друг с другом, им многое надо обсудить, – улыбнулась миссис Саймондс.

Бобби посмотрел на свою мать, та кивнула.

– Иди-иди. Я с тобой повидаюсь еще перед отъездом.

Как только мальчика увели, миссис Саймондс повернулась к Стелле.

– Итак, мисс Аддертон, у нас остается проблема с меню. Мы согласовали его несколько часов назад.

– Да, мэм. Только вот тут было одно происшествие с яйцами, и...

– Происшествие? Мне следует напомнить вам, мисс Аддертон, насколько ценны продукты нынче. Вы должны это понимать как никто другой.

– Это моя вина, миссис Саймондс, – сказала миссис Джордж. – Я приношу свои искренние извинения, и я уже сказала мисс Аддертон, что восполню ее припасы – заплачу из собственного кармана.

– Ваша вина, миссис Джордж? – переспросила Миссис Саймондс.

– Да, я переключивала припасы и разбила два яйца. Заменить их будет нечем, уверяю вас, – сказала старший кашевар.

– Вы переключивали продукты? – миссис Саймондс задала вопрос угрожающе ровным тоном. Стелла могла бы предупредить Миссис Джордж, если бы та была ей союзницей, о том, что это верный знак того, что работадательница находится в своем самом опасном расположении духа. И хотя леди никогда не повышали голос, сверкание свирепого взгляда миссис Саймондс было ничем не скрыть.

Миссис Джордж, наконец, хватило здравого смысла, чтобы, сцепив руки за спиной жестом скрытого превосходства, на лице изобразить раскаянье.

– Еще раз извиняюсь.

– Миссис Джордж, я напомню вам, что и вы в моем доме лишь гостья, и что госпиталь, в котором вы служите, размещен здесь тоже временно. И я ожидаю, что с моей собственностью

³⁴ С начала Второй мировой войны в Британии паспортный контроль был усилен, паспортный режим был ужесточен, требовалась регистрация по месту пребывания.

станут обращаться бережно. Сюда относится и содержимое моей кухни. Ни вам, ни любой из ваших кухаркаих нет никакой нужды производить обработку продуктов для Хайбери Хаус. То есть кормить меня, моего сына и моих слуг. Я выразилась ясно?

Лицо Миссис Джорж застыло.

– Я отлично поняла Вас, Миссис Саймондс.

– Хорошо. Да, а к ужину я ожидаю также коменданта, – проговорила миссис Саймондс, чеканным шагом выходя из комнаты.

Джоан, спрятавшись за спину Стеллы, стараясь унять страх, сделала глубокий вдох.

– Ох, и крута наша хозяйка, да?

– Я бы, конечно, могла сказать, что она стала еще нетерпимее после того, как скончался ее супруг, но... – Стелла начала говорить и осеклась.

– Но?..

– Но она была такой всегда, сколько я помню, с тех самых пор как я приехала в Хайбери Хаус. Пойдем, отнесем пожитки Бобби наверх в мою комнату.

Диана

Дианы Саймондс, обдирая руки и обламывая ногти, вскарабкалась-таки вверх по ступеням из кухни, находившейся в цоколе, в коридор для слуг, расположенный на первом этаже. Она протиснулась в тайную дверцу в облицовочных панелях холла возле парадной лестницы и попала напрямик в свою умывальную комнату. Она держала подбородок высоко и гордо поднятым до тех пор, пока не закрыла дверь. Переходя методично по очереди от окна к окну, задержала розовые золотом вышитые шторы. И лишь после того, как комната погрузилась в полумрак, она позволила себе, наконец, проявить слабость и без сил рухнула на диван, спрятав лицо в ладонях.

Она ненавидела роль третейского судьи в перебранках между своими кухаркаихами и персоналом госпиталя для выздоравливающих, который практически отобрал у нее ее дом. Но с другой стороны, из всего того, что обещал ей Мюррей, и так очень немного вписывалось в нынешнюю реальность.

Они только закончили заново оформлять интерьер Хайбери Хаус, когда фашистская Германия аннексировала Польшу и премьер-министр Великобритании Чемберлен объявил, что началась война. Менее чем месяц спустя, Мюррей приехал домой поездом из Лондона и сказал ей, что записался добровольцем в армию, что будет врачом. Она схватила в охапку сына Робина, крепко прижала к его себе и зарыдала, но Мюррей сумел убедить ее, что обязан пойти служить, обязан вдвойне – как доктор и как джентльмен. А потом он пообещал ей, что будет себя беречь.

«Какой толк от того, что я три года жил фактически на стройплощадке, если не для того, чтобы иметь возможность возвращаться домой и наслаждаться домом, который построил вместе с моей красавицей-женой?» – спросил он, рассмеялся и поцеловал ее. И от того, что до сих пор судьба, казалось, благоволила светлому гению и сильной воле Мюррея, она тоже поверила ему.

Как же она тогда была наивна.

Диана убрала растрепавшиеся волосы от лица и поднялась с дивана. Так же усердно отдернула шторы, остановившись только для того, чтобы посмотреть в зеркало – проверить, все ли в порядке у нее с лицом, и оправить свой кардиган – из тонкого кашемира сливового оттенка – который научилась ценить после того, как правительство ввело одежные купоны. Она научилась разному и многому после того ужасного дня, когда во внутренний дворик дома въехала машина и двое одетых в форму цвета хаки офицеров сообщили ей, что Мюррей был убит на марше, не доехав до полевого госпиталя.

Успокоившись, она решила покинуть свое убежище, свою умывальную комнату, и направилась к парадной лестнице, которая соединяла два крыла дома. Дальше по коридору две медсестры, обе в белой униформе с эмблемой Красного креста на груди, стояли рядом, перешептывались и хихикали. Заприметив ее, обе торопливо скрылись прочь.

Она проигнорировала их. Когда правительство объявило, что реквизирует Хайбери Хаус, после похорон Мюррея прошло меньше месяца, а еще несколько недель спустя здесь уже был дислоцирован отряд Добровольной медицинской помощи VAD, который занял большую часть господского дома и все флигели, семье оставили лишь несколько комнат в апартаментах западного крыла здания. Все то время Диана была в глубоком трауре, но начав постепенно выходить из периода горевания, однажды обнаружила, что в ее милом доме, с такой любовью обустроенном, теперь больничные палаты с аккуратными рядами коек, операционная зала и ординаторский кабинет для сестер и докторов.

Эта трансформация произошла без ее участия, поскольку комендантом вновь образованного Хайбери Хаус Хоспитал была назначена Синтия – сестра Мюррея, приехавшая из Лон-

дона в поместье. Еще не оправившаяся от потрясения, вызванного гибелью мужа, Диана сочла проявлением доброты то, что Синтия взяла на себя эту ответственность. Однако вскоре она увидела, как дела обстоят на самом деле: для Синтии это был всего лишь способ пробраться обратно в дом, где они с братом оба выросли, но который отошел Мюррею после того, как их мать второй раз вышла замуж. Все же, если золовка Дианы и понадеялась, что та запрется в своих апартаментах, облачившись в черный траурный креп и погрузившись в глубокую печаль, а в госпиталь и вовсе не будет показываться, то она жестоко ошибалась.

Диана прошла по первому этажу восточного крыла, мимо гостиной, длинной галереи и ванной комнаты. Каждое из этих помещений была переоборудовано в палату и заставлена больничными койками, застеленным белым накрахмаленным постельным бельем

По началу старшая медицинская сестра Макферсон, руководившая в госпитале всем, что касалось медицины, пыталась сделать так, чтобы Диана держалась от палат подальше, – каждый раз, когда владелица особняка появлялась на пороге какой-либо палаты, раздавался ее резкий оклик: «Миссис Саймондс!»

В конце-концов, Диана решила, что с нее хватит. «Это все еще мой дом, и я буду ходить туда, куда мне заблагорассудится!» – заявила она, стоя посреди своей бальной залы, а с расставленных там коек на нее смотрели восемь раненых мужчин, и во взглядах у них было что-то похожее на уважение.

– А я не могу допустить, чтобы у меня по госпитальным палатам бродили посторонние, – парировала медсестра.

– Даже не вздумай, Диана. Это неприемлемо, – сказала Синтия, проявив в этом вопросе редкостное единодушие со старшей сестрой. – Этим мужчинам женское общество не на пользу.

– Но они окружены женщинами! – возмутилась Диана.

– Сиделками, – поправила ее медсестра.

– Вы – женщина, – парировала Диана. Потом указала на золовку. – Синтия, ты тоже женщина.

– Я – комендант госпиталя, – гордо ответила та, как будто эта должность делала ее бесполкой.

– В моем собственном доме я буду ходить свободно! – заявила Диана твердо и не двигалась с места до тех пор, пока и старшая медсестра, и Синтия не сдались. Да пусть хоть весь мир погрязнет в войне, но в ее собственном доме никто не посмеет командовать ею, будто она пехотинец.

Сейчас, когда она зашла в Палату «В», сестра Уортон, старшая дежурная медсестра, подняла на нее взгляд, отвлекшись – вместе с младшей медсестрой-администратором она производила осмотр огнестрельного ранения рядового Би2тона, крепко спавшего в этот момент.

– Миссис Саймондс, – поприветствовала ее сестра Уортон коротким кивком.

Диана замедлила шаг.

– Сестра Уортон, как сегодня ваши пациенты?

– Некоторым лучше, некоторым хуже. Он попросил меня поблагодарить вас еще раз за то, что вы помогли ему написать письмо его матушке. – Сестра Уортон кивком указала на рядового Би2тона.

Кисть правой руки этого юноши была раздроблена шрапнелью. Он еще не научился владеть левой рукой и не хотел тревожить свою мать, посылая ей письмо, написанное чужим почерком. Диана притащила в палату старую печатную машинку, которой когда-то пользовался Мюррей, и поставила ее на маленьком столике возле койки рядового Би2тона. В тот день после него еще двое раненых надиктовали ей свои письма.

– Надеюсь, что операция, которая ему предстоит, пройдет удачно, – искренне произнесла Диана. – А не знаете ли вы, где сейчас мисс Саймондс?

– Полагаю, вы найдете ее в ее офисе, – ответила сестра Уортон.

Диана не стала подчеркивать, что офис Синтии вернее было бы назвать бильiardной, – это было одно из сражений, в котором она потерпела поражение. Вместо этого она просто поблагодарила сестру Уортон.

На пороге бильiardной комнаты, прежде чем постучаться, Диана сделала глубокий вдох, изо всех сил пытаясь подавить чувство горечи, которое поднималось в ее душе от одной мысли о том, что она, будучи хозяйкой, вынуждена теперь просить разрешения войти.

«Да?» – прозвучал тонкий голосок с другого конца комнаты.

Диана повернула медную дверную ручку, сделала шаг внутрь – и взглядом уперлась в затылок Синтии. Глядя на светло-русые волосы этой женщины, побитые первой сединой, носившую скромные платья пастельных оттенков с высокими кружевными воротничками, можно было бы легко подумать, что по характеру она мягка и участлива. Но однако, проведя в обществе Синтии хотя бы пять минут, любой человек поменял бы свое мнение о ней и это заблуждение было бы развеяно. Синтия – не человек, а кремь! – считала, что каждое ее мнение является единственно верной догмой.

Синтия развернулась в кресле, старом кресле Мюррея, некогда стоявшем за его письменным столом. Ее лицо с тонкими, словно птичьими, чертами слегка дрогнуло, приняв досадливое раздраженное выражение, но она его сразу умело скрыла.

– Дорогая моя невестка, как хорошо, что вы зашли. Хотя у вас, наверняка, имеется масса неотложных дел?

– Ты знаешь, что дел по хозяйству у меня более чем достаточно – мне надо добиться того, чтобы этот дом вела та четверть слуг, которые у нас остались, – и это не считая трех (когда больше, когда меньше) пациентов, троих докторов, шестерых сиделок, шестерых сотрудников категории общего обслуживания, старшей медсестры, интенданта, ну и тебя по месту жительства.

– Ты мне напоминаешь об этом слишком часто, – со вздохом сказала Синтия. – И что же сегодня стряслось?

– Нам с тобой не пришлось бы каждый день общаться, если бы моя семья, как в прежние времена, жила бы в доме или хотя бы если б персонал госпиталя и пациенты проявляли хоть каплю заботы о доме, – ответила Диана и села на стул, не дожидаясь приглашения садиться.

– Если ты по поводу потопа в Зеленой спальне...

– Его уже устранили. К счастью, мистер Гиллиган смог перекрыть подачу воды к умывальнику максимально быстро, иначе вода хлынула бы на нижний этаж, – сказала она.

Губы Синтии сжались в тонкую ниточку, она принялась перекидывать бумаги на своем письменном столе.

– Ммм, да, это было неприятное стечение обстоятельств.

– Его можно было предотвратить, – упрямо проговорила Диана.

– Я поговорила с сиделками с третьего этажа, чтобы впредь они лучше контролировали поведение раненых и довели до их сведения, что не положено перекидываться крикетными мячами в помещениях, но ты же должна понимать, что мужчины заскучали, это вполне объяснимо.

– Может, ты все-таки передашь это предупреждение и всем остальным в доме? Миссис Диббл обнаружила, что в синей спальне текстильные шелковые обои повреждены – кто-то чеканил резиновым мячом о стену, – она сказала.

Синтия засомневалась, затем нахмурилась, взяла карандаш и сделала пометку в своей записной книжечке, которую всегда держала при себе. – Я поговорю со старшей медсестрой.

Диана выдохнула с облегчением. – Спасибо.

– Это все? – спросила ее золовка таким тоном, которым взрослые обращаются к детям, хотя по возрасту была не на много старше.

– Это не все. Сегодня утром одна из твоих кашеваров разбила несколько яиц из припасов не госпиталя, а домохозяйства. Как тебе известно, на моем званом ужине сегодня будет викарий и еще несколько человек.

– Думаю, отец Бильсон поймет и простит, если его сладкий заварной крем будет приготовлен из яичного порошка.

– Я не могу подать отцу Бильсону крем из яичного порошка, – сказала Диана.

– Почему не можешь? Уверена, что не существует такого блюда, которое не попало бы к нему на стол – уж он-то все пробовал.

– Так не делается.

Синтия раздраженно фыркнула, но снова взялась за карандаш.

– Я позабочусь о том, чтобы недостачу яиц возместили. Сколько надо?

– Два. – Когда Синтия подняла взгляд от бумаг на нее, Диана настойчиво пояснила: – Это лишь незначительный симптом реально большой проблемы.

– Что за проблема?

– С тех пор как в Хайбери разместился госпиталь, моей кухаркаихе уже не впервой иметь дело с пропажей пайков, а бывает их еще и вскрывают. Но ведь руководство VAD мне однозначно обещало, что пайки семьи никто не тронет, что вы будете расходовать свои собственные пайки.

– Наши собственные пайки? Если ты еще не забыла, я не чужая в этой семье, – сказала Синтия.

чтобы она забыла? Какое уж тут забыть! Синтия то и дело напоминала об этом. Но после гибели Мюррея поместье со всем имуществом было завещано его вдове – ей, Диане, – а отнюдь не его сестре.

– Кашевары госпиталя не смеют даже притрагиваться к пайкам семьи, – Диана проговорила медленно. – Твоих племянников этим кормить. И тебя этим кормить, причем каждый вечер, несмотря на то, что ты только и мечтаешь, чтобы заполучить власть над сиделками, но ужинаешь-то ты не с ними, а с нами.

– Я поговорю с миссис Джордж, – в конце-концов проговорила Синтия.

– Спасибо, – ответила Диана.

Синтия опустила взгляд, полистала свою записную книжечку.

– Погоди не уходи, я хотела переговорить с тобой о детской. Робину действительно нужно ночевать там?

– А где же ему ночевать, как не в детской? – под госпиталь уже реквизировали игровую, четыре больничные койки там поставили.

Синтия подняла взгляд.

– Ну, я могу спать с тобой в твоей комнате.

– Нет, – сказала Диана.

– Или ты бы могла отослать его в интернат, – предложила Синтия.

– Ему еще нет пяти лет.

– Я взяла на себя смелость написать мистеру Кину в Чарльстонскую приготовительную школу, он ответил, что, принимая во внимание исключительные обстоятельства, в которых мы вынуждены жить, он согласен принимать мальчиков с семи лет.

– Ему четыре года!

Синтия отмахнулась:

– Сделают насчет него соответствующее распоряжение да и все. В Чарльстоне Робина хорошо подготовят к Винчестерскому колледжу³⁵, ведь и его отец тоже там уч...

³⁵ Винчестерский колледж (= Колледж Св. Марии в Винчестере) – знаменитая престижная частная средняя школа-пансион для мальчиков 14–18 лет, находящаяся в городе Уинчестер в Англии. Одна из старейших в стране, основана в 1382 году.

– В интернат Робина я отсылать не стану, – отрезала Диана.
– Диана, поступи благоразумно! – сказала ей золовка.
– Я благоразумно поступаю сейчас.
– Если это ты про особенности его питания...
– Про его астму, – поправила ее Диана, – Нет, я не про это.
– Он всегда был болезненным мальчиком.
– Больше он не болезненный, – не сдавалась Диана. – Он здоров и практически в безопасности, до тех пор, пока его ингалятор при нем.
– Но он такой худенький, – сказала Синтия.
– Зачем ты мне все это говоришь? Можешь не стесняться и обратиться по этому поводу напрямую в Министерство Продовольствия, ведь это оно издает рационную книжку моего сына.

– Робин из семейства Саймондс. Много лет подряд все мальчики Саймондсучись в Винчестерском колледже.

– Робин – мой сын, и мне решать, как будут обстоять с его обучением. Он останется дома, – сказала Диана.

– Считаешь, что поступить так действительно мудро? Все эти мужчины, которые то прибывают в госпиталь, то выписываются, многие из них могут вести себя просто-напросто грубо. А еще здесь так тесно – это целая проблема! Третий моего персонала спят в чердачных холодных комнатах, треть – в коттеджах, едва пригодных для проживания, а треть – вообще в деревне, откуда до особняка им еще добираться и добираться, идя пешком в гору по плохой дороге.

На прошлой неделе мне доставили приказ из Королевского армейского медицинского корпуса – к середине этого месяца мы должны ждать пополнение раненых. Хирург же требует, чтобы я выделила ему другое помещение под операционную, поскольку сейчас он оперирует в переделанной старой кладовой, а та слишком плохо освещена. Если бы Робина отослали, в нашем распоряжении оказалась бы дополнительно детская спальня.

– Нет! – огрызнулась Диана.

– Мы все должны принести в жертву...

– Не говори мне о жертвах, – Диана была в ярости. – Не смей!

Ее золовка сложила руки одна поверх другой. – Я так понимаю, ты до сих пор оплакиваешь гибель моего брата.

Диана резко вскочила со стула.

– Будь добра передать миссис Джордж, что она и ее кашевары должны убраться прочь с дороги Мисс Аддертон.

Диана была на полпути к двери, когда Синтия окликнула ее, – Думала, тебе следует знать, у нас в палате «С» лежит армейский отец – отец Делвин. Я подумала, что тебе, может быть, захочется встретиться с ним. Синтия замялась. – Возможно, ты могла бы поговорить с ним про Мюррея.

Между ними повисло долгое молчание. Диана стояла, сжав кулаки. В конце концов, она сказала:

– Синтия, мое требование держаться подальше от моих пайков распространяется также и на мою личную жизнь – не лезть в нее.

На этот раз Синтия промолчала, когда Диана захлопнула за собой дверь бильярдной комнаты.

Диана не могла успокоиться и вся еще кипела, пока шла в прихожую из кухни, – которая, к счастью, была слишком маленькая, чтобы ее можно было тоже реквизировать и сделать из нее помещение для выздоравливающих, – в прихожей она накинула на себя старую вощеную куртку Мюррея, одела его сильно поношенные кожаные лоферы. Волосы она высоко подняла

и завязала, как в чалму, в старый шарф, который всегда вешала на крючок около двери. Положила в свою лекарственную сумку секаторы.

Рывком распахнув боковую дверь из кухни, ведущую в кухонный садик, она направилась к воротам, гравий хрустел у нее под ногами. В воздухе пахло дождем, но дождя не было. Именно в такое время она больше всего любила находиться в саду – чтобы надвигающаяся непогода подгоняла и поторапливала.

Выдающимся садоводом она не являлась никоим образом. Как, впрочем, не была им и ни одна из женщин в семье Мюррея. Его дед, Артур Мелькорт, привез женщину по имени Винсента Смит, чтобы та спроектировала его сад.

Но даже несколько десятилетий спустя, в любое время года, дух захватывало от того, какого эффекта получилось добиться. Диана решила, что постарается как можно бережнее заботиться о территории сада. Однако теперь, когда война шла уже четыре с половиной года, она стала более реально смотреть на вещи и призналась себе, что с нее было бы достаточно хоть как-то поддерживать там порядок.

Пока был жив Мюррей, шестерыми штатными садовниками руководил старший садовник по имени Джон Хиллкок. После того, как Британия вступила в войну, половину из этих молодых мужчин призвали сразу же, другая половина попали под мобилизацию по очереди – забирали то одного, то другого. Затем не стало и Мистера Хиллкока, когда-то работавшего под руководством своего отца над созданием сада Винсенты Смит, – он умер от сердечного приступа, пытаясь рассадить кровоточащие сердца дицентры.

Сейчас двое мужчин, уже слишком старых для того, чтобы воевать, раз в два дня приходили пешком из деревни в расположенное на холме поместье, и выполняли небольшие работы по саду; в помощь себе они брали двоих деревенских пареньков, чтобы те таскали тяжести, которые старикам были не по плечу. Сад зарос, стал выглядеть более запущенным, а увядшим цветам отчаянно требовалась обрезка. Без обрезки даже тис одичал – живые тисовые изгороди теперь выглядели не как плотные ровные зеленые стены, а как нечто лохматое.

Но Диана любила сад и таким, ведь он весь принадлежал лишь ей одной. Время от времени Мюррей проявлял интерес к косметическому ремонту в особняке, но прилегающие к дому садовые территории он оставлял на попечение жене, говоря, что для леди это хорошее хобби. Теперь, когда всего вокруг стало чересчур и слишком, она могла спрятаться в зеленых комнатах сада и представить, что ее дом – не переполнен чужими людьми, ее муж – не мертв, а ее жизнь – не утекает сквозь пальцы.

Тем вечером она занималась водным садиком. Ей нравилась его спокойная прохлада, даже зимой. До прихода весны ей надо было успеть вычистить пруд, но не сегодня, когда она так ждет гостей, – она займется этим в другой день, когда некому будет составить ей компанию. Война – не повод снижать планку: ведь если она измажется, работая в саду, несомненно, придется принять ванну прежде, чем гости съедутся, но ванну придется принимать холодную, ведь воды нагреть нечем.

Диана принялась обрезать клематис, цветущий поздно, под зиму – коротко, до основания срезала секатором лозы, оставляя лишь по две-три почки, выбирая только здоровые, и полностью вырезая старую поросль. Все обрезки прибирала в свою лекарственную сумку, чтобы потом отнести на самую окраину участка и там, за теплицами, заложить их в одну из больших компостных куч.

Минут черед десять с другой стороны стены, огораживающей сад, раздалось неровное шарканье. Диана разогнулась и в этот момент из-за круглой кирпичной стены вышел опирающийся на костыли крупный мужчина в шинели.

– Вы миссис Саймондс, полагаю? – спросил он, тяжело дыша.

– А вы явно не кто иной, как отец Девлин, не так ли? – спросила она в ответ, засовывая свои секаторы в карман мужниной куртки.

Мужчина улынулся.

– Мисс Саймондс вам про меня сказала, не так ли?

– Нынче в Хайбери Хаус совсем мало секретов осталось, ничего не утаить, впрочем, вам это еще предстоит узнать. – Она жестом указала на скамью из тиковой древесины. – Не хотите ли присесть?

– Да, пожалуй, присяду, – сказал он.

Она наблюдала за тем, как он медленно, с облегчением сел и поставил свои костыли рядом.

– Не возражаете, если спрошу? И каково же передвигаться на э т о м? – кивком она указала на его костыли.

– О, похоже, я об эту штуку себе все бедро чуть не до кости избил. Чертовски неудобное приспособление.

Она слегка улыбнулась.

– Размозженные кости, кажется, фирменное блюдо этого дома. Как это вас так угораздило?

Но его, казалось, стало клонить в сон.

– Боюсь, у меня не найдется для Вас истории в духе дэринг-ду³⁶, похвастать мне нечем.

– У нас тут кругом предостаточно хвастунов.

– Да, немало. По-честному, я упал с танка, и хоть земля смягчила падение, бедро я все-таки сломал.

– Как неосмотрительно с вашей стороны, – сказала она.

– Я тоже так подумал. Так что же вам про меня сказала наша дорогая комендантша мисс Саймондс?

– Она предположила, что мне может понравиться беседа с вами, – честно ответила Диана.

– Ну, вот мы сейчас и беседуем, из чего следует, что вы не против этой идеи.

Она удивленно приподняла бровь.

– Ах да, я понял. Это был один из тех советов типа «поговори с Божьим человеком». вы думаете, вам действительно необходима беседа со старым армейским отцом?

– Нет, не думаю.

– Знаете ли, я выяснил, что некоторым людям, которым не нужны беседы, просто нужен друг.

Друг. Сколько же времени прошло с тех пор, когда у нее был друг. Она никогда не была популярной девушкой. Для этого она слишком была занята игрой на арфе да и к тому же слишком застенчива, чтобы подружиться даже с теми певцами и музыкантами, которым аккомпанировала. Но все изменила ее помолвка с Мюрреем. Он вихрем врвался в комнату и всех людей, находившихся там, срывал с места, вовлекая в свою орбиту. Первые светлые годы ее замужества прошли в сплошных вечеринках, она подружилась с женами всех его друзей.

Но сколько времени прошло с тех пор, как она последний раз общалась с Глэдис или Джессикой или Шарлоттой?

Не дождавшись ее ответа, отец откинулся на спинку скамьи, сложив руки на груди.

– Признаюсь, мне самому не помешала бы компания. Самое возмутительное не в том, что ты валяешься в госпитале для выздоравливающих, а в том, что выясняется, что тебя тут, оказывается, окружают одни лишь больные, причем больные всевозможнейшими заболеваниями!

– Я бы скорей подумала, что служба армейским отцом подготовила вас к этому зрелищу, – сказала она.

– О, что да, то да. Но время от времени неплохо бы возвращаться с того света и проводить хоть немного времени также, как говорится, и на земле живых.

³⁶ Derring Do – игра слов, связанная с существительным «derring-do», обозначающее отчаянную, безрассудную смелость.

Она мрачно посмотрела на него, затем пожала плечами. Если этот человек хочет сидеть на улице в полузросшем саду и наблюдать, как она обрезает растения, что ж, это его полное право.

Она указала на клематис.

– Я собираюсь продолжить свою работу.

– Пожалуйста, продолжайте. Я и не думал вам мешать, – сказал он, запрокидывая голову назад и подставляя лицо под слабое тепло едва пригревавшего солнца.

Диана кивнула ему в ответ и снова принялась подрезать клематис, но, вновь привычно орудуя секаторами, вдруг обнаружила, что та ярость, что погнала ее прочь из дома в сад, – нет, не вся, но какая-то небольшая ее часть, – улеглась и успокоилась.

Эмма

Март 2021

– И это дерево тоже! – крикнула Эмма, взглянув вниз на Чарли. Она взобралась на лестницу, чтобы разглядеть поближе структуру дерева. Когда она сказала Сидни, что планирует осмотреть садовые деревья, та одобрила их «ползание и лазание». Много времени прошло с тех пор, как хоть кто-нибудь ухаживал за этими деревьями с любовью. Поэтому следовало вырубить часть деревьев: либо из-за того, что они сгнили, либо для того, чтобы сделать в разросшихся кронах световые карманы, и, таким образом, дать больше освещения и воздуха растениям нижнего яруса лесной подстилки.

– Понял! – закричал Чарли в ответ.

– Это которое уже? – спросила она, спускаясь.

Чарли на своем планшете открыл и перелистал заметки, которые они сделали этим утром.

– Седьмое, если считать ту ель возле коттеджа.

– Надеюсь, Уилкоксам нужны дрова на растопку, – пошутила она.

Громкий шорох в ветвях за их спинами заставил обоих обернуться, в тот же момент из проема в живой тисовой изгороди выскочили Бонни и Клайд.

Чарли тотчас опустился на колени, стал трепать Бонни за уши.

– Привет, ты такая красotka! – приговаривал он, и его «р-р-р» звучало с обволакивающим шотландским акцентом.

– Когда ты уже купишь себе собаку? – спросила Эмма.

– Могу спросить тебя о том же, – ответил он.

– Я слишком часто бываю в разъездах, чтобы позволить себе собаку. У тебя хотя бы есть твой канальный катер.

Чарли зашикал на нее, призывая замолчать, потому что через расчищенный проем в тисовой изгороди следом за своими собаками пролезла и сама Сидни.

– О, хорошо, вы оба здесь. Я разбираю старые вещи, ну и думаю, что нашла кое-что восхитительное! – торопливо проговорила она.

– Что это? – спросила Эмма.

Сидни лишь широко улыбнулась и скрылась же путем, что и появилась.

Это может быть что угодно. Так твердила себе Эмма все то время, пока вместе с Чарли шла следом за Сидни через весь сад обратно дом и поднималась по ступеням парадной лестницы, застеленной тряпками от строительной грязи, направляясь в уже отремонтированное крыло дома. Она всегда просила владельцев порыться в бумагах, в любых старых бумагах, имеющих в доме, но чрезвычайно редко бывало так, чтобы кому-то посчастливилось отыскать что-либо новое и значимое.

– После того разговора с Вами, я была очень взволнована и воодушевлена, поэтому бедняжке Эндрю пришлось со мной вместе проводить каждый вечер на чердаке, разбирая коробки. Дедушка хоть и был старым брюзгой, но умение все раскладывать по полочкам было у него не отнять. Коробки были подписаны «Дом & Сад», – Сидни болтала без умолку, отпирая дверь в кабинет, в центре которого стоял огромный стол красного дерева, по обеим стенам высились книжные шкафы, а посреди кабинета – несколько контейнеров с открытыми крышками.

– Поначалу я расстраивалась. Казалось, что там только бумаги за 70-е годы – сплошь рецепты, как залатать крышу, да какие-то документы касаясь Ага-Хана³⁷. Но затем я наткну-

³⁷ Карим Ага-Хан Четвертый – духовный лидер, предприниматель, благотворитель, конезаводчик. Ага-Хан является учредителем и спонсором многочисленных благотворительных проектов, осуществляемых во многих странах. В 1977 году

лась на это, – Сидни указала на картонный тубус и старую, тоже картонную, папку-скоросшиватель. – Откройте же их, пожалуйста, окажите честь!

Эмма взяла тубус, открыла крышку, перевернула вверх донцем – оттуда выскользнул рулон бумаг. Сидни и Чарли освободили столешницу. Рулоны раскрутили и разложили на поверхности стола.

– Похоже на планы дома, – проговорила Эмма.

– Это не оригиналы. Думаю, это копии, выполненные в конце тридцатых годов, как раз перед самой войной. Посмотрите, вот тут, на этом этаже, архитектор перенес дверной проем, чтобы увеличить площадь ванной комнаты, – Синтия, указала на пометку голубыми чернилами.

Эмма пролистала страницы. На них были выполнены чертежи – сначала всего дома, потом каждого этажа, включая подвал, в котором располагались кухня, кладовая и, по старинной моде, рядом с ними буфетная.

Но когда она перевернула следующую страницу, у нее перехватило дыхание. На большом пожелтевшем от времени листе бумаги был карандашный набросок сада, а сверху листа была выполнена размашистая надпись «Хайбери Хаус»!

Ее глаза округлились от изумления:

– Это почерк Винсенты Смит.

– Вы уверены? – спросила Сидни с надеждой в голосе.

– Она уверена, – ответил Чарли, – сколько я ее знаю, она всегда была просто одержима этой женщиной.

– И еще раньше, до знакомства с тобой, – пробормотала Эмма, – Мне следовало бы надеть хлопковые перчатки. Но сейчас ничто не могло помешать ей изучать эти чертежи.

– Когда я в первый раз увидела их, я засомневалась, поскольку сад на этих планах расположен абсолютно не так, как сейчас, – сказала Сидни.

– Винсента в дальнейшем изменила этот план. Здесь начерчен формальный сад, – она указала на симметричные клумбы, расположенные в виде узлов. – Вот тут, возможно, была низкая рабатка со стелющимися растениями или, быть может, вдоль клумб шла изгородь.

– Ах, в этом может быть своя логика. Но взгляните на следующий лист, – сказала Сидни.

– Перебирая и разделяя друг от друга слежавшиеся от долгого пребывания в тубусе планы сада, Эмма обнаружила тонкий листочек почти прозрачной кальки. Она бережно подняла ее и наложила поверх планов-исходников. Рядом расположила два наброска дома, кухонный садик и фруктовый сад, а затем отступила в сторону от стола. – Вот так.

– Вот он, – проговорил Чарли, – Вот он сад.

– И все помечено, – сказала Сидни.

– Сад для чайных церемоний, сад для влюбленных, сад для детей, сад для свадеб... – читала Эмма.

– Ой, так вот почему в нем все белое? – удивленно Сидни.

– Смотрите, следом за водным садом, оказывается, идет сад поэта, – сказал Чарли.

– В библиотеке есть сборник стихов моего пра-пра-прадеда Артура Мелькорта. Он был тем самым, кто заказал этот сад, – сказала Сидни.

– Может быть, Винсента таким образом пыталась подольститься к нему, чтобы он дал согласие на ее остальные дизайн-проекты? – с улыбкой на лице спросила Эмма.

– Зачем ей нужно было делать это? – спросила Сидни.

– Она опередила свое время. Здесь, в Англии, было очень мало дизайнеров, кто мог создать английский пейзажный сад в том его виде, который привычен нам сейчас. Поэтому Винсенту считали на половину художницей, а наполовину революционеркой, – объяснила она.

– А что представляет из себя поэзия Артура Мелькорта? – поинтересовался Чарли.

– Те стихи, которые я помню, довольно ужасные, —

Эмма осторожно подняла лист, чтобы открыть другой рисунок. – Похоже, он был сделан несколько позже других, уже по ходу проекта. вы можете видеть, что она добавила несколько тропинок в садике для детей.

– Они напоминают флаг Великобритании, – сказал Чарли.

– Своеобразный вежливый поклон в игровой форме детям Мелькортов, вероятно. О, а вот, похоже, здесь, в зимнем саду, что-то интересное, – она указала на нарисованный кружок. – Может, прудик, или, может, маленькая мощеная площадка.

– Должно быть, это был рабочий набросок. Видно, где она стерла часть карандашных линий, – сказал Чарли.

– Подожди-ка, – Эмма подняла листок, поднеся к свету. – Тут над словами «зимний сад» еще что-то написано. Буквы такие бледные, едва видны...

Чарли и Сидни из-за ее плеча склонились над столом, вглядываясь в указанное ею место на чертеже. В тот же момент Эмма сказала:

– Я думаю, тут написано «сад Цецилии».

– Нет, тут гораздо больше букв, – сказал Чарли, сдвигая на затылок бейсболку и потирая лоб.

– Целеста, – сказала Эмма, – «Сад Целесты».

– Кто такая была эта Целеста? И почему эта надпись выполнена другим почерком? – спросила Сидни.

Эмма перевела взгляд обратно на бледную неясную надпись.

– Я не знаю ни о какой Целесте. А вы правы. Ее имя вписал кто-то другой.

– Ее имя встречается еще где-нибудь? – спросила Сидни.

Тщательно и методично Эмма изучала чертежи, открывая все новые детали всех основных частей сада. На полях некоторых из этих детальнейших чертежей имелись даже диаграммы и планы посадок. Садик для детей – сейчас заросший полевыми цветами, проникшими туда самосевом, – когда-то вмещал в себя бальзамин, наперстянку, мак опийный и трансваальскую ромашку.

Внизу сбоку на детальном чертеже сада поэта был список из названий цветов и имен поэтов – кто из поэтов какой цветок воспел. Детальный чертеж зимнего сада был выполнен на таком маленьком листочке, словно его выдернули из записной книжки.

– На этом листе тоже нет никакой Целесты, – сказала Сидни. – У Винсенты была сестра?

– Только брат Адам, – сказала Эмма.

– Что насчет ее матери? – спросил Чарли?

Эмма закусилась нижней губой в сильной задумчивости.

– Полагаю, ее мать звали Джули или Джульетта, как-то так.

Чарли достал свой телефон, открыл он-лайн быстрый поисковик, ввел запрос.

– Ее мать звали Джульетта. Ее среднее имя Каролина.

Эмма пристально смотрела на лист с еле видимыми карандашными пометками. – Кто такая Целеста?

– А рисунки-то в хорошем состоянии все еще, да ведь? – прервала ее размышления Сидни.

Эмма подняла глаза на нее.

– Знаете ли вы, какая это редкость – обнаружить подобную важнейшую коллекцию чертежей?

– Без понятия, – беспечно сказала Сидни. – Я технарь.

– Эти чертежи следует отдать в какой-либо архив или хотя бы хранить надлежащим образом. – посоветовала Эмма.

– Конечно, только если вы хотите, чтобы они были помещены в архив, можно оформить все так, что вы передаете их в дар или на временное хранение, – сказал Чарли.

– Но мы ведь хотим, чтобы сначала они побыли тут, верно? – Сидни взглянула сначала на Эмму, потом на ее коллегу. – Вы можете ими воспользоваться, чтобы убедиться, что реставрируете сады Хайбери Хаус в точности такими, каким они были когда-то.

Эмма кивнула, даром что надлежащим сохранением уникальных документов ей следовало бы заняться в первую очередь. Быть одной из нескольких человек на всем свете, кто знает о существовании новых чертежей Винсенты Смит, – это просто удивительно!

– Ну, может быть, мы можем оставить их у себя до тех пор, пока не наступит подходящий момент, а после вы поможете мне найти правильных людей, которые позаботятся о них, – сказала Сидни с лукавой улыбкой.

– Такой человек есть и я с ним знакома, его зовут профессор Уэйлэнд, он, наверняка, будет петь вам дифирамбы, если узнает, что у вас хранятся оригинальные чертежи Винсенты Смит, а особенно – чертежи сада, о котором мы знаем так мало, – сказала Эмма.

– Тогда просто подождем, пока ваши друзья их не посмотрят, – сказала Сидни, склоняясь теперь над папкой-скоросшивателем.

Сердце Эммы заколотилось, когда она открыла папку. Но вместо ожидаемых документов, писанных почерком Винсенты, перед ней лежало какое-то письмо, косой, как бы рубящий, почерк на котором принадлежал совсем иной, более смелой, руке. Она перевернула письмо. На обороте стояла подпись «Адам Смит».

– Это от брата Винсенты. Когда она работала в Соединенном Королевстве, он был ее поверенным.

Чарли из-за плеча Эммы склонился над столом и начал читать вслух: «Глубокоуважаемая миссис Мелькорт, к данному письму в ваше распоряжение прилагаю купчую на тридцать шесть лип, каждая возрастом четыре года, предназначенные для высаживания вдоль липовой аллеи».

– Следующее письмо начинается так: «Глубокоуважаемая Миссис Мелькорт, к данному письму в ваше распоряжение прилагаю купчую на сбыт двенадцати пионов древовидных трех сортов».

Эмма подняла глаза на Чарли:

– В чайном садике есть пионы.

– Получается, и эти письма, на первый взгляд бесполезные, чем-то полезны? – спросила Сидни.

– Они потрясающи, – воскликнула Эмма. – Благодаря им мы можем максимально близко подобраться к тому, чтобы узнать, что именно Винсента высаживала, при чем в очень емкой форме – письма ведь не трактат.

В дверь кабинета постучали. Толкнув дверь, вошел Эндрю, он нес поднос с чаем.

– Привет. Почему у меня такое ощущение, что тут какая-то вечеринка, на которую меня не позвали?

– О, Эндрю, ты звезда этой вечеринки! Поставь, будь добр, поднос вон туда. – Сидни указала на сервант. Эмма была уже готова высказать все, что думала по поводу любых жидкостей поблизости чертежей и рецептов, когда Сидни предупредительно сказала: – Пусть наш чай стоит подальше от этих документов.

Пока Эндрю уточнял, кто какой чай предпочитает, кому сколько молока добавлять, кому сколько сахара класть – и заваривал кипяток в чайнике, Сидни кратко рассказала ему, что уже удалось выяснить из старых документов. Когда они все удобно расселись, держа свои кружки с готовым чаем в руках, Эндрю сказал:

– Вам бы еще у Генри спросить, делала ли его бабушка какие-нибудь наброски сада.

– О, это отличная идея. Генри Джонс – это хозяин Фермы Хайбери Хаус. Бэт, его бабушка, в годы войны была лэнд герл на другой ферме, тут, по-соседству. А в шестидесятых она стала художницей, причем добившейся даже определенного признания – она писала маслом недурные пейзажи графства Уорвикшир.

– Я предполагаю увидеться с Генри на следующей неделе в пабе – мы будем участвовать в викторине. Мы были бы очень рады, если бы вы присоединились к нам. Тогда бы мы пошли туда все вместе, – предложила Сидни.

– О, нет, спасибо, – быстро сказала Эмма. – Если вы все еще хотите при реконструировании сада добиться исторической достоверности, я думаю, что мне может понадобиться выбросить большинство закупленных уже и высаженных мною растений. Они не подходят.

– Да, – твердо сказала Сидни. – Давайте вернем сад в его первоначальное состояние.

– Но это затормозит весь проект, – предупредила Эмма.

– Весь особняк и без того – одна сплошная гигантская проволочка, – сказала Сидни.

– Она верно говорит, – добавил Эндрю.

– Ну, тогда хорошо. Мне лучше приступить к работе. Хочу разобрать эти бумаги – сказала Эмма.

– Вам нужна помощь? – спросил Эндрю. – Не обещаю, что я буду понимать, что именно искать, но систематизировать я люблю и умею.

– Конечно, – сказала Эмма.

– Сидни, может быть, вы бы могли помочь мне прояснить пару вопросов касемо доступа к собственности. Нам точно понадобится внести много компоста, чтобы улучшить почву, – сказал Чарли.

– Если ехать вверх по дороге от фермы к особняку, там есть ворота, ведущие на задний двор, сгрузить компост можно возле теплиц. Я покажу, – сказала Сидни.

– Великолепно, – сказал Чарли.

Когда Сидни и Чарли ушли, Эмма и Эндрю устроились, каждый занятый своим делом, сидели в тишине, проявив сострадание и дав друг другу передышку от разговоров. Вчитавшись в письма Адама Смита, Эмма перестала замечать все вокруг и, казалось, вообще забыла, что рядом с ней сидит Эндрю. Было так легко затеряться среди строк этих писем, так легко было погрузиться с головой в чертежи.

Она увлеченно читала уже третий лист списка растений, когда мужчина вежливо откашлялся. Она оторвала взгляд от документа.

– Вы нашли что-нибудь?

– Ничего, хотя, может, вас интересует, какая в кухонном садике в 1976 году была установлена ирригационная система? – улыбнувшись, спросил он.

– Нисколько не интересно.

– Я так и подумал. Но позвольте мне задать вам вопрос: я надеюсь, что вы не чувствуете себя брошенной из-за того, что Синди не пригласила вас на викторину в паб?

– Брошенной? – переспросила Эмма.

– Не пригласив вас, она поступила невежливо. Но она действительно была бы рада, если бы вы пошли. Конечно, если вы хотите.

– Мне не хотелось бы показаться грубиянкой, – поспешила ответить Эмма.

Он рассмеялся.

– Уж поверьте мне, вы не были грубы. Просто знайте, что вам всегда будут очень рады.

На мгновение она представила, как это могло бы быть: прийти пешком в деревенский паб, увидеть улыбающиеся лица, знать, что тебя тут ждут. Это было так заманчиво: вот кто-то уже заказал коктейль для тебя, и ты больше не одинока, а вместе с кем-то... Но именно в этом таилась опасность. Эмма не общалась с клиентами вне рабочей обстановки, даже с теми,

кто был ей симпатичен. Ведь, при ее-то кочевой жизни, это только затруднило бы расставание – работа над проектом все равно когда-нибудь закончится, а ты уже душой прикипела к этим людям, привыкла к этим местам.

После долгой паузы Эмма, наконец, проговорила:

– Благодарю, буду иметь в виду.

Винсента

Пятница, 8 марта, 1907 год

Хайбери Хаус

Дождь всю ночь; пасмурно

Этим утром, проконтролировав, как продвигается итоговая разметка линий посадки деревьев на будущей липовой аллее, я вывела лошадь из конюшен Мистера Мелькорта и верхом отправилась в Уилмкот. Все эти деревья привезли вчера, и я уже отписала Адаму, спрашивая, где это он так сумел за столь короткий срок найти тридцать шесть четырехлетних лип. Хотя знала, что он лишь опять начнет поддразнивать меня, напоминая, что обычные бумага да чернильная ручка в его умелых руках могут творить чудеса.

Сознаюсь, мои нынешние работодатели являют собой непростую задачу, как, впрочем, большинство им подобных. Но это не такая уж большая проблема – я вполне могу их терпеть. Я ужинаю с Мелькортами каждый вечер, порой оттуда сбегаю под предлогом разыгравшейся мигрени. Однако миссис Мелькорт все так же высокомерна. Не более чем два дня назад, она две перемены блюд – подавали сперва суп, потом рыбу – провела, расхваливая добродетели своего брата.

– По большей части он коллекционер, но порой он продает растения очень избранному кругу садоводов, таких как Мистер Джонсон, – говорила она мне, опуская серебряную ложку в бульон, и в свете канделябров перстни с бриллиантами сверкали у нее на пальцах. – вы знакомы с мистером Джонсоном?

– Не имела такого удовольствия, – отвечала я.

– Он состоятельный американец, только что приобрел дом неподалеку от Чиппинг-Кэмпден, впрочем, ходит слух, что средства ему на эту покупку одолжила мать. Представить не могу, как и где Мэттью с ним познакомился.

– А не думал ли мистер Годдард о том, чтобы делать бизнес на садоводстве? – спросила я.

Миссис Мелькорт резко посмотрела на нас.

– Мисс Смит, мой брат – джентльмен. Он не интересуется торговлей

Я заметила, что, говоря это, она не смотрела на своего супруга, который своим богатством был обязан пронципальности своего отца, бывшего настолько дальновидным дельцом, что теперь даже у меня дома в Уимблдоне в ванной комнате имеется брусок мыла для очищения лица торговой марки «Melcourt».

Этим утром большую часть моей прогулки верхом к дому мистера Годдарда я провела в раздумьях о том, насколько же целенаправленно мистер Мелькорт-младший и его супруга делали все возможное, чтобы, так сказать, отмыть свой капитал и перестать выглядеть в глазах общества скоробогачами.

Я была настолько поглощена этими мыслями, что чуть не прозевала указатель на повороте к Ферме Вистерия. Однако, заглянув в ворота, поняла, что ошибиться, туда ли я приехала, было невозможно: фасад двухэтажного коттеджного дома увивала огромная вистерия – зеленая, пышнолистая, вся в бутонах, готовых вот-вот распуститься.

– Мисс Смит!

На этот неожиданный оклик я развернулась в седле всем корпусом и тотчас увидела всего в сотне ярдов от меня незаметно подошедшего через проем в живой изгороди мистера Годдарда.

– Вход в питомник немного дальше, вниз по дороге. Не пройдись ли нам пешком?

Я позволила ему подержать под уздцы мою лошадь, так чтобы я могла спешиться. Затем, ведя лошадь в поводу, мы подошли к широким деюревянным воротам, за которыми был двор, по двум сторонам которого располагались теплицы, а дальше, в тихом зауглу, стоял амбар. И

езде, куда ни глянь, были розы! Плети роз оплетали стену, отграничивавшую двор, их стебли были еще голы в преддверии весны. Розы были в терракотовых цветочных горшках, настолько больших, что в каждом поместилось бы по три растения одновременно. Розы росли в рабатке вдоль дорожки, уводившей в другую часть сада. Розы были высажены в теплицах – длинные ряды растений с аккуратно обрезанными и плотно обвязанными черенками.

– Добро пожаловать в мою лабораторию, – проговорил с улыбкой Мистер Годдард. – Досадно, что сейчас самое начало весны, ведь будь сейчас конец весны, вы смогли бы увидеть розы в цвету.

– А в июне один только двор, должно быть, являет собою эффектное зрелище.

– Так и есть, осмелюсь заметить. Все же, думаю, и зимой сад красив по-своему, – сказал он.

– Все голо и обнажено. Поэтому видна структура сада, – сказала она.

– Точно. Хотя это также означает, что мало какие недостатки сада удастся тогда утаить.

– Как вы пришли к тому, чтобы выращивать розы? – спросила я, когда мы вошли в одну из теплиц, и меня обдала волна приятного тепла.

Он замялся с ответом, потер шею, огляделся вокруг, посмотрел на столы, уставленные рядами разновозрастных растений.

– Юность мою, подобно многим, я растрчивал впустую. Мои мать с отцом всегда надеялись, что я сумею чего-нибудь достичь, но я, казалось, был определенно не намерен их оправдать их ожидания. В Кембридже я не столько учился, сколько специально выводил из себя приставленных ко мне тьюторов. А однажды ночью меня застучали в достаточно неудобном состоянии, – ответил он.

– В насколько неудобном? – спросила она.

– Неудобном настолько, что я не уверен, что моя сестра одобрила бы, если бы я стал говорить про это с молодой леди.

Я приподняла бровь, выказывая удивление.

– Мистер Годдард, мой обряд конфирмации я прошла давным-давно – я старая дева тридцати пяти лет.

– Но вы вовсе не старая, то есть, вы отнюдь не выглядите...

Я прекратила мучения страдальца, улыбнувшись ему. – Благодарю вас, мой возраст вполне меня устраивает. Это, знаете ли, так освобождает. К примеру, сегодня я смогла одолжить лошадь у вашего зятя, проскакать верхом, миновав несколько деревень, для того, чтобы нанести визит джентльмену, чтобы обсудить розы. Ни одна робко краснеющая дебютантка не смогла бы проделать такое.

Он кивнул в знак согласия, затем остановился перед рядом цветочных горшков и стал на одной из роз обследовать то место, где стебель привоя был привит к подвою, прививку черенками выполнял он сам.

– Это Сувенир де ля Мальзизон. Вам этот сорт знаком?

Я отрицательно покачала головой.

– Это бурбонская роза, цветет белым, бутоны выбрасывает обильно, когда цветки распускаются, то укрывают куст словно шапкой, а запах... слаще любого парфюма!

– Но настолько ли запах этой розы сладок, чтобы приманить стайку из нескольких леди, желающих испить чаю на свежем воздухе? – спросила я.

– Пожалуй, – сказал он с улыбкой, затем перешел к другому столу, стоявшему позади нас. – О, быть может, вам понравится вот эта роза, цветет малиновым, подойдет для пушного драматического эффекта? Мадам Исаак Перер может стать как раз тем, что вам нужно.

Я подумала про садик для влюбленных, который как раз планировала разбить западнее от чайного садика. Мне хотелось, чтобы любой посетитель, шедший неспешным шагом вдоль бледно-пурпурного гелиотропа, светло-розовой эхинацеи и кремовых пионов, то есть расте-

ний, символизирующих женственность и душевное спокойствие, испытал шок, очутившись в следующем боскете, был шокирован почти непристойным цветом.

Густо-красные розы, темно-пурпурная сальвия и алые цветущие колосовидные соцветия персикарии. Банановые деревья, японские клены, георгины, тюльпаны – я хотела сделать так, чтобы у каждого вошедшего сюда дух захватило.

– Может, было бы проще начать с того, что нужно мне, – сказала я, вынимая из кармана юбки записную книжку. Она распахнулась на той странице, где я изобразила, как выглядит весь сад целиком с высоты птичьего полета.

– А тут что будет? – спросил он, поворачивая мою записную книжку к себе так, чтобы лучше рассмотреть. Краем мизинца он задел мою руку. Кровь прилила к моим щекам, я смущенно кашлянула.

– Для сада влюбленных мне нужны растения, чья окраска имитирует драгоценности, в чайный садик и садик для детей – максимально бледно-розовые, а для свадебного сада – чисто белые.

Он пальцем постучал по той странице, на которой я сделала надпись «Сад Поэта», и сказал:

– Умно, этакий оммаж³⁸ увлечению моего зятя. Думаю, вы обнаружите, что Артур всегда наиболее сговорчив, когда считает, что его собеседник в полной мере проникается всей важностью занимаемого им в этом мире места.

– Вы не поклонник мистера Мелькорта?

Мистер Годдард рассмеялся.

– Как раз наоборот, я считаю, что он составил прекрасную партию моей сестре. Хелен, вероятно, одна из самых упрямых и решительных женщин, которых я когда-либо встречал. У нее имеются собственные вполне определенные идеи на тот счет, каким следует быть этому миру, и она полагает это очень раздражающим, когда мы все не подчиняемся безоговорочно и полностью этим ее представлениям.

– Она, кажется, ожидает от всех в своем окружении великих свершений, – высказала я допущение.

– Признаюсь как на духу, иногда это становится утомительно. Я довольно-таки закоренелый холостяк, поэтому, когда меня в приказном порядке вызывают в Хайбери Хаус на эти бесконечно длинные ужины, я порой не могу удержаться от подначиваний. Осмелюсь сказать, вы и сама видели это: у моей сестрицы тихий вечерок не проведешь – у нее к столу никогда не подадут просто холодную мясную нарезку да бутылку вина – всегда помпезный ужин.

– О, да, – согласилась я. – Если сравнивать, то и я веду жизнь достаточно тихую. Когда я начала чаще бывать в рабочих разъездах, два года назад, то мой брат Адам переехал в Уимблдон. Мы частенько с удовольствием к вечеру устраиваем пикник – преспокойно доедаем то, что кухарка приготовил еще утром на ланч, и чувствуем при этом себя гораздо счастливее, несли чем когда приходится высиживать все пять перемен блюд за ужином.

– В Хайбери, как вы понимаете, никто никогда не пойдет на такие уступки ни в целях экономии, ни ради практичности. Мисс Смит, скажите, а вы когда-нибудь раньше скрещивали розы? – спросил он.

– Не... не могу сказать, что проделывала это с розами, – призналась я. Он столь неожиданной смены темы разговор аж заикаться начала. – Я скрещивала другие растения.

Мой отец повторил эксперимент Грегора Менделя с горошком, чтобы объяснить мне про рецессивные и доминантные признаки у растений.

³⁸ Оммаж (от *фр.* *hommage* – признательность, дань уважения) в искусстве – работа-подражание (и жест уважения) другому художнику, музыканту и т. п.

– С розами работают примерно таким же способом. Цвет, запах, листва, схема цветения – все это черты, которые могут быть переданы дальше следующим поколениям. Идемте-ка, – сказал он, указывая на кабинку из стекла и дерева.

– Я собираю и высушиваю пыльцу различных роз, которые хочу использовать в качестве шпильки, – он отпер кабинет ключиком, свисавшим с его брелока для часов, открыл дверь и придержал ее так, чтобы я могла войти, – Не хотите ли выбрать какую-нибудь?

Я осмотрелась и обнаружила, что нас окружают дюжины роз с полностью обрезанными лепестками. Каждая из роз была насажена на кусочек картона, аккуратно подписанный карандашом.

– Сувенир де Мадам Огюст Шарль, Альфред де Дамаль, Шейльерс Уайт Мосс, Глуар де Муссо... – я выпрямилась, – Не знаю, какую выбрать!

– Что вам надо для вашего чайного садика? – спросил он.

Я закрыла глаза и нарисовала себе в воображении сад таким, как если бы прошло лет пять, нет, лучше даже десять лет. Клумбы густо засажены обильными, однако элегантными, цветами, склонившими свои нежные головки. Повеваает легкий ветерок, шепчется листва лип, растущих всего в нескольких футах от цветочных рабаток.

– Думаю, мне нравятся розы сорта Альфред де Дамаль за их бледно-розовый цвет и сорт Глуар де Муссо за обилие цветов, – сказала я.

– Хороший выбор, – сказал он, беря картонку, промаркированную надписью Альфред де Дамаль. – Мы используем этот сорт, ведь шпилька обычно влияет на окраску цветка.

– Обычно? – переспросила я.

– Никогда нельзя быть абсолютно уверенным. Розы иногда непостояннее, чем скучающая любовница. – На его скулах выступили пятна румянца, алые, словно розы, – То есть Глуар настолько насыщенно-розовая, что, боюсь, вся деликатность Альфреда потеряется.

Он вывел меня из теплицы, и мы зашагали к следующей, картонку он забрал с собой. В то время как сооружение, из которого мы только что вышли, было все заставлено столами, эта теплица выглядела, словно в нее под стекло заманили саму весну! В терракотовых горшках весело цвели кусты роз. Ко многим из них шпагатом были привязаны таблички из плотной коричневой оберточной бумаги.

– А вот и мы, – объявил он, когда мы подошли к кусту без бумажки. Несколько бутонов только-только начали распускаться, раскрывая свои многочисленные ярко-розовые лепестки, – Глуар де Муссо.

– Она прекрасна, – сказала я.

– Она моя любимица. А теперь, не окажете ли честь? – Он запустил руку в свой карман, вынул оттуда художественную кисточку с острым кончиком и вручил ее мне. Показал, как удалить лепестки и тычинки, прежде чем смести пыльцу, а затем осторожно стряхнуть ее на пестик. Затем он вновь нырнул в свой карман, вытащил оттуда листок бумаги и кусок шпагата, чтобы сохранить целостность скрещивания. Мы проделали это еще пять раз с пятью различными бутонами, прежде чем он провозгласил, что наша работа окончена.

– Теперь будем ждать, – улыбнулся он.

Я протянула кисточку обратно ему.

– Единственная проблема в том, что у меня нет времени ждать так долго. Мистер Мелькорт уже спрашивает, будут ли цветочные бордюры по обе стороны большой лужайки готовы вовремя, то тесть к вечеринке, что состоится следующей весной.

– А увидеть, удался ли наш эксперимент, мы сможем гораздо позже, он требует намного больше времени, – объяснил он. – И хорошо, что эта роза не для бордюров.

– Не для них? – переспросила я.

– Если вы сможете обойтись, высадив в вашем чайном садике Альфред де Дамаль, я смогу снабдить вас нужным количеством этих розовых кустов. Вы можете прикинуть, что из роз вам понадобится для других садов.

– Для сада влюбленных отлично подойдет Мадам Исаак Перер, – сказала я.

– Тогда она у вас будет. А эта роза, – он указал на тот цветок, который мы только что опылили, – какой бы она ни получилась, будет вашей и делайте с ней, что пожелаете.

Я была тронута его вдумчивым поступком, меня охватило непривычное чувство:

– Никто и никогда еще не создавал для меня розу!

– Считайте это подарком, пусть она напомнит вам о времени, проведенном в Уорвикшире.

У меня перехватило горло, странное ощущение, я едва смогла сглотнуть этот комок в горле:

– Благодарю вас, – только и смогла выговорить я.

– Это было мне в радость, мисс Смит. А теперь не позволить ли нам себе войти в дом и поглядеть, что же моей экономке удалось найти для нас на кухне на перекус. Не могу пообещать, что это будет нечто большее, чем самое незамысловатое угощение.

– Звучит восхитительно.

Он галантно предложил мне руку:

– Если вы доверитесь мне, то за ланчем я расскажу вам о необычном джентльмене, которого встретил на днях. Некий мистер Лоренс Джонсон, намеревающийся превратить поля вокруг своего недавно приобретенного особняка в рай садовода.

– Его имя упоминала ваша сестра. Она сказала, что вы снабдили его несколькими сортами роз.

– Да, и я был достаточно удачлив – он открыл мне свои планы. Я подумал, что вы, возможно, сочтете его интересным, поскольку он тоже обдумывает, как бы ему украсить свои зеленые комнаты, – сказал он.

– Мне чрезвычайно хотелось бы встретиться с ним, – кивнула я.

– Тогда я это устрою, – улыбнулся он, открывая боковую дверь дома и придерживая ее, чтобы я могла пройти.

Суетливая экономка провела нас в маленькую столовую, обогреваемую подкатной жаровней. Я села напротив мистера Годдарда. На столике между нами стояли хлеб, сыр, мясная нарезка и соленые огурчики – и очень скоро увлеклись беседой.

Могу сказать честно, никогда у меня не было трапезы лучше этой.

Эмма

Находка планов сада, выполненных Винсентой, изменила проект Эммы полностью. Две недели она перебирала обнаруженные бумаги, изучала каждый листочек, который мог бы хоть как-то относиться к делу, фотографировала, делала заметки. Ей не давал покоя вопрос о Целесте, она вся извелась из-за этого, но тем не менее она продолжала работать над тем, чтобы переделать свой проект реконструкции сада, приведя его в соответствие с планами Винсенты. Затем пришла очередь самого сложного этапа: отменить уже сделанные заказы и разместить новые, найти в питомниках огромное количество нужных растений, при этом каким-то образом вписаться в бюджет и не сорвать сроки, поставленные Сидни и Эндрю.

Стресса Эмме только прибавилось, ведь каждый день ей приходилось руководить своей командой, контролируя, чтобы ими была выполнена вся первоочередная работа – чтобы везде в саду была убрана вся грязь от выполотых неверно посаженных растений и чтобы зеленые комнаты были подготовлены для нужных посадок. Каждый день она возвращалась к себе в Боу Коттэдж смертельно уставшая, но ей приходилось продолжать работать, нередко засиживаясь до глубокой ночи, поэтому она несколько раз даже засыпала прямо у ноутбука за обеденным столом.

В конце концов однажды ближе к вечеру, когда, казалось, ей удалось-таки загрузить всех работой и каждый был поглощен своим делом, Эмма отложила в сторону свои садовые перчатки и отправилась на небольшую прогулку – она решила разыскать владельца фермы, располагавшейся по соседству с Хайбери Хаус. Дорога, что спускалась с холма от поместья к этому фермерскому дому, утопала в такой грязи, что при каждом шаге даже прочные сапоги просто-напросто засасывало, а в глубоких колеях, накатанных тракторами, чуть ли не доверху стояла вода. Промозглый туман проникал через ворот вошеного жакета, сквозь кремового цвета рыбацкий свитер, даже в такой добротной одежде пробирало до костей.

Сидни говорила, что Генри Джонс происходил из старого фермерского рода, несколько поколений его предков работали на Ферме Хайбери Хаус. Когда-то давно она принадлежала первоначальным хозяевам, Мелькортам, а те в конце 1920-х годов продали эту часть своих владений Джонсам. Ферма пережила Вторую мировую войну, индустриализацию сельского хозяйства, прочие многочисленные изменения, но уцелела и осталась в семье вплоть до сегодняшних дней.

Эмма

Показался фермерский дом. Эмма пригладила каштановые волосы, проверяя, не выбились ли ненароком из гладкой прически непослушные пушистые пряди, затянула потуже ленту, собиравшую волосы в конский хвост. Она заметила, что под ногти забились грязь, несмотря на то, что во время садовых работ она постоянно надевала перчатки. Что ж, Генри Джонсу придется лицом к лицу столкнуться с жестокой реальностью, когда работающая женщина, причем работающая целый день в грязи, работающая с землей, вполне может и запачкаться.

Небо уже началось наливать чернильно-синей хмурью, поэтому ничего удивительно не было в том, что сельхозтехнику спрятали от непогоды, чтобы она не стояла без дела во дворе в сотне ярдов от дома. Никого там не увидев, Эмма направилась напрямик к зданию из красного кирпича – там, на окнах первого этажа, горели светильники.

На пути к дому, она услышала звуки музыки: хороший такой бит, а на заднем плане духовые инструменты. По мере того, как она подходила ближе, музыка все звучала все громче, поэтому, когда на ее стук в бледно-зеленую дверь, никто не отреагировал, Эмма ничуть не удивилась.

Но когда туман сгустился еще сильнее и зарядил дождь, она принялась колотить в двери кулаком. Музыка в момент сделалась тише. Эмма отступила на шаг. Дверь распахнулась и на крыльцо практически вывалился мужчина в спортивной футболке с мультяшными персонажами из «Драматик» Джеймса Брауна и в белых утепленных подштанниках из комплекта термомобелья.

На голове у него был кавардак, темные волосы дыбом стояли в одну сторону, как если бы он целый день спал, не сняв шапку.

– Привет? – немного удивленно сказал мужчина.

– Здравствуйте, я ищу Генри Джонса, – ответила Эмма.

– Что ж, вы его нашли.

– Я Эмма Лоуэлл. Возможно, вам про меня говорили...

Мужчина просиял:

– Садовница! Да, мне про вас говорили. Ну, что вы хотели поглядеть те старые рисунки моей бабули.

– Верно.

– Блин, вы же тут торчите под этим чертовым дождем, а я даже не предложил вам войти...

Проходите, – засуетился Генри, пропуская ее внутрь.

– Спасибо. – Заметив, что он в одних носках, она спросила: – Мне снять сапоги?

Он попытался пятерней пригладить свой вздыбленный веер волос, но стало только хуже.

– А вы не против? Вообще, мне-то без разницы, но вот Сью... она только-только начистила тут все, в офисе. Она меня прибьет, если я натаскаю грязи ч, ведь еще суток не прошло, как она убиралась.

– Сью? – спросила Эмма, стаскивая сапоги.

– Она счетовод на моей ферме. Порой беспорядок, который я устраиваю тут, ее достает окончательно и она устраивает генеральную уборку. Проходите.

Эмма проследовала следом за ним через короткий коридорчик и очутилась в офисе, где умещалось два письменных стола. Один стол был в таком идеальном порядке, словно костюм с иголки, на другом же столе порядка не было и в помине.

Генри уселся за грязный письменный стол, отодвинул прочь стопку каталогов семян, потом вообще убрал их на стоявший рядом стул, оставил в сторону несколько невымытых чашек с засохшей заваркой. На столе лежал лэптоп, наполовину погребенный под ворохом бумаг,

среди них угадывалось нечто, похожее на отчеты по химанализу, какой-то старый, еще субботний выпуск «*The Telegraph*» и книжка в мягкой обложке, лежавшая корешком вверх.

– Подозреваю, вы легко догадаетесь, которую половину занимает Сью, – сказал он, переключив радио, из которого орала какая-то классическая песня в стиле соул.

– Думаю, уже догадалась. Чарли руководит моей командой дизайнеров-садовников, он поладил бы со Сью.

– Хм, неужто такой же чистоплотный? – спросил Генри.

– Что-то типа того, хотя в моем случае все не настолько жестоко, как тут у вас.

Генри расмеялся.

– Меня никому не перещеголять – у меня тут всем бардакам бардак! А теперь расскажите-ка мне поподробнее о том, что именно вы надеетесь обнаружить среди рисунков моей нянюшки?

Она рассказала немного про свой проект реновации сада и о том, что именно рассчитывала отыскать в альбомах для зарисовок его бабки. – Порой рисунки могут заполнить пробелы между намерениями и реальностью.

– Но разве от фотографий не больше толку? – спросил он.

– Да, в идеале. Но речь-то про 1907 год! Тогда все еще большой редкостью было документировать разбивку сада досконально, только если это полагали действительно важным. А Винсента Смит стала знаменитой лишь годы спустя.

– Она писала книги, не так ли? – спросил он.

– Прошу прощения, – переспросила она, нагнувшись к собеседнику, чтобы лучше слышать его вопрос, заглушенный внезапно раздавшейся из динамика чередой звуков рога.

Фермер схватил свой мобильник, лежавший на книжной полке, и убавил громкость звонка.

– Извините.

– Что за мелодия у вас на рингтоне? – поинтересовалась она.

– Джеки Уилсон, песня «*The Who Who Song*». До того, как принять во владение ферму от дедушки, отец ездил на своей машине в Сток-он-Трент танцевать на *Northern soul* в клуб Голден Торч. Соул, Motown, Stax. Он слушал это все, когда разбирал счета. А когда он умер, я, ну... типа продолжаю делать так же, типа в память о нем.

Теперь понятно, откуда у Генри эта футболка с Джеймсом Брауном.

Эмма

– Хочу спросить: а есть книги, написанные Винсентой Смит? Это имя звучит знакомо, – поинтересовался Генри.

– Верно. Она уехала в Штаты, вышла там замуж и жила там до самой смерти. Хайбери Хаус был ее последним садом в Англии.

– Мда, это было на несколько десятилетий позже: моя бабуля жила на ферме Темпл Флосс во время войны, тогда она доставляла провизию в господский дом. Свое увлечение живописью она тогда не принимала всерьез, и так было до 50-х годов, когда у нее родилась моя мама.

– Сидни сказала, что ваша бабушка была уважаемым художником, – сказала Эмма.

Он ухмыльнулся:

– Она была не настолько известным художником, чтобы я завязал с фермерством и стал бы кататься как сыр в масле, но она действительно некоторое недолгое время она продавала свои работы нескольким лондонским галереям. В начале девяностых она несколько раз брала меня с собой в гости к своим старым приятельницам. Одна из ее подруг все время была в разъездах, потому мы останавливались у нее на квартире в Мейда-Вейл.

– Я очень надеюсь, что некоторые ее зарисовки могли бы дать мне подсказки, – сказала она.

Он откинулся на спинку своего стула:

– Я с Тифф, моей сестрой, после бабулиной смерти прибирались в ее доме. Тифф себе на память взяла оттуда немного – она живет в Лондоне, так что свободного места у нее кот наплакал. Короче, большинство вещей бабули достались мне. Уверен, у меня тут как минимум есть пара ее альбомов для зарисовок.

Эмма аж привстала со своего стула:

– Не могли бы вы, пожалуйста, достать альбомы? Мне очень неловко тратить ваше время, когда вы, кажется, так заняты, но...

Он расхохотался:

– Но именно это вы, кажется, как раз намереваетесь сделать. Не берите в голову. Я всегда рад помочь Сидни с Эндрю.

– Вы их давно знаете? – спросила Эмма.

– Где-то около года. На ярмарке я пару раз пересекался с дедом Сидни – неразговорчивый он был старик, но со мной здоровался.

Эмма нахмурилась:

– Мне казалось, вы знакомы дольше. Ведь Сидни упоминала викторину, которую устраивает в пабе.

– Вас уже успели завербовать зануды-трезвяки?

– Простите?

– О, это название нашей команды. Я участвую в викторинах почти каждую неделю, хотя, понятное дело, в вопросах, которые не затрагивают фермерское дело, классическую соул-музыку или военную историю Британии, пользы от меня почти ноль, – улыбнулся Генри.

– Тогда моими вопросами были бы садоводство, писатели, пишущие о садах и исторические сады, поэтому ваши знания разнообразнее моих, – она улыбнулась в ответ.

– чтобы начать работу над этим садом нам придется подкупить ведущего викторины. Даже если ответить на какие-то из вопросов вообще без шансов, можно смириться с этим, а потом взять да и выбить очко.

– О, на викторину я не ходок, – быстро проговорила она.

– Почему?

– Не мое это все.

Он склонил голову на бок, выдав свою заинтересованность:

– Вы не обязаны там напиваться, если это именно то, что вас напрягает. И вам не надо помогать разгадывать вопросы, на самом. Мы вам не оставим ни единого шансика сделать это, даже если захотите.

– По вечерам я обычно без сил, – ее оправдание прозвучало неубедительно, это было ни разу не убедительное оправдание.

– Я вас понимаю. Фермеру ведь тоже приходится вставать ни свет ни заря. Однако если вы передумаете, то вы знаете, где нас найти – сказал фермер.

Вообще-то она не знала, но так как до сих пор она видела лишь один паб на весь Хайбери – паб назывался «Белый лев» – она могла сделать вполне обоснованное предположение. Но это предположение было не тем, которое она собиралась сделать изначально.

Тут зачирикал ее мобильник. Она глянула на заветившийся экранчик – всплыло текстовое сообщение от Чарли:

Роузвуд не верно укомплектовал наш заказ. Все придется отослать назад.

Она тихо содрогнулась. Еще хоть одна подобная задержка грозит выбить ее из графика так сильно, что зарежет весь льготный период, заложенный в контракте!

– Проблемы на работе? – спросил Генри.

Эмма засунула сотовый в задний карман:

– Ничего такого, что я не смогла бы разрулить.

– Этот бизнес принадлежит вам одной? – задал вопрос он.

– Ага, я открыла свое это дело, когда устала «работать на дядю», как говорится.

Он присвистнул:

– Вам удалось это повернуть в одиночку. Впечатляет.

– Спасибо, да, думаю, так и есть, – ответила она.

Он расцвел в улыбке:

– Это комплимент. Дадите мне свой номер? На выходных я поищу те альбомы с набросками, а когда разыщу их, отзвонюсь вам.

Он взял свой сотовый со столешницы и протянул ей. Эмма колебалась.

Она уже тысячу лет не давала свой номер телефона мужчинам, но они ведь не в баре сейчас сидели, ведь не чатились в приложении для знакомств – это касалось работы!

Она набрала свой номер в его телефон, и когда он забрал его, то сразу послал ей сообщение:

– Теперь вы всегда можете писать мне, если вам что-то понадобится, – сказал Генри.

– С фермы? – спросила она, и на ее обычно привычно сжатых губах появилась слабая улыбка.

– Тут не угадаешь, может, как-нибудь утром вы проснетесь и подумаете: о, как бы мне сгодился пресс-подборщик сена с фермы Генри.

– Буду иметь это в виду. Спасибо, – сказала она, дойдя уже до двери его офиса.

– Может, я как-нибудь случайно увижу вас в «Белом Льве». Новым соседям там принято подносить дармовой стаканчик.

– Вот как?

– Естественно.

Неожиданно она обнаружила, что раздумывает над его приглашением. Просто пропустить по стаканчику с приятным мужчиной, простым в общении – непривычная и привлекательная идея, которую она почти сразу же отогнала. Если завязать отношения с кем бы то ни было в Хайбери, то, когда ей неминуемо придется уезжать, будет только тяжелее.

– Может быть, когда-нибудь.

Выйдя на двор фермы под проливной дождь, Эмма подняла ворот, пытаясь поплотнее укутать шею. Но даже грязь, казалось, налипала ей на ботинки и шагать было труднее, чем когда-либо, ее не покидало странное ощущение, что на душе стало светлее.

Бэт

19 марта 1944 года

Моя дорогая Бэт,

когда я читаю твои письма, мне так хочется оказаться опять дома, на ферме. Рад, что тебе нравится твоя работа. Я ведь фермер до мозга костей, поэтому на сердце у меня становится теплее от мысли, что очень скоро ты совсем освоишься и будешь чувствовать себя в полях так же уверенно, как и остальные.

А мне вот-вот должны дать увольнительную на 48 часов, проведу ее я в компании Клифтона, Макинтайра и Бэйтса. Пока не знаю, когда мне дадут увольнительную достаточно длинную для того, чтобы успеть совершить путешествие обратно в Англию. Однако когда увольнительную мне все-таки дадут, мы с тобой сходим, куда только захочешь: чаепитие, ужин, танцы – все, что пожелаешь. Странно думать, что это будет наше первое свидание.

Со всей моей любовью,

Колин

– Теперича-то ты хоть уверена, что знаешь, куда ехать? – спросил Мистер Пенворти пока Бэт перепроверяла поводья и удила лошади.

– Вниз по Фосс-Уэй, потом повернуть налево и по мосту через речку, потом две мили ехать на юг до Хайбери Роуд. Еще полмили проехать по этой дороге и по левую руку будет большой дом, – сказала Бэт.

– Не забудь, что парадные ворота сняли...

– ...и сдали на переплавку, – Бэт с улыбкой предложение закончила.

Мистер Пенворти влоком подтащил к телеге второй деревянный ящик, который следовало доставить в Хайбери Хаус.

– Ты оставишь ее в покое уже когда-нибудь? Девочка не дура, – Миссис Пенворти еще чуток поворчала.

Бэт залезла на облучок, щелкнула поводьями, помахала рукой на прощанье.

Выехав на проселочную дорогу, она не смогла удержаться и начала улыбаться; холодный ветер трепал ее волосы. В свободное время она обычно ходила в кино с Рут и двумя другими девушками, которые работали на молочной ферме в Комбруке, поэтому редко оставалась в одиночестве. Но когда она проводила свои выходные так, как сейчас, то всегда чувствовала себя виноватой, если не успевала вовремя отвечать на бесконечный поток писем от Колина – письма от него приходили регулярно каждые два-три дня. Но сейчас, правя поводьями, она отбросила все сомнения и просто безмятежно наслаждалась возможностью побыть в одиночестве.

Всю дорогу до Хайбери Хаус Бэт пребывала в хорошем настроении. Она проехала пролом в стене, где раньше были железные парадные ворота, и свернула к въезду для хозяйственных нужд – исполнила все в точности так, как ей советовал сделать Мистер Пенворти. Она спрыгнула с телеги, привязала лошадь и только потом открыла ворота двора, а затем стащила оба ящика на землю, поставив один на другой.

Она осторожно обогнула телегу и пошла к двери, ведущей в кухню. Было слышно, как там гремят сковородками и льется вода. чтобы постучаться в двери, ей надо было освободить руку, для чего пришлось прижать коробки животом к двери.

Почти в тот же миг дверь распахнулась – вышла женщина в переднике, ее каштановые волосы были высоко уложены и забраны в сетку. Она подозрительно взглянула на Бэт, с прищуром, затем перевела взгляд ниже, на коробки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.